

Борьба с
терроризмом 8

ПРАВО НА ЖИЗНЬ

ОБРАЗОВАНИЕ ВО ИМЯ ПРАВОСУДИЯ
СЕРИЯ УНИВЕРСИТЕТСКИХ МОДУЛЕЙ

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ

Модуль 8

ПРАВО НА ЖИЗНЬ



Организация Объединенных Наций
Вена, 2019

Этот модуль является ресурсом для преподавателей.

Разработанный в рамках инициативы Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН) «Образование во имя правосудия» (E4J), являющейся компонентом Глобальной программы по осуществлению Дохинской декларации, данный модуль является частью серии модулей по борьбе с терроризмом E4J и дополняется Учебным пособием. Полный перечень материалов «Образование для правосудия» E4J включает в себя университетские модули по вопросам честности и этики, предупреждения преступности и уголовного правосудия, борьбы с коррупцией, организованной преступности, торговли людьми / незаконного ввоза мигрантов, огнестрельного оружия, киберпреступности, охраны дикой природы, лесных и рыболовных преступлений, а также борьбы с терроризмом.

Все серии университетских модулей «Образование для правосудия» E4J содержат предложения по упражнениям для аудиторных занятий, оценки учащихся, слайды и другие учебные инструменты, которые преподаватели могут адаптировать и включить в существующие курсы и программы обучения в ВУЗах. Модуль предоставляет план для трехчасового занятия, но также может быть использован для более или менее продолжительных занятий.

Все университетские модули «Образование для правосудия» E4J включают в себя результаты научных исследований и дискуссий, и могут содержать информацию, мнения и заявления из различных источников, включая сообщения прессы и независимых экспертов. Ссылки на внешние ресурсы были проверены на момент публикации. Однако, поскольку сторонние веб-сайты могут измениться, пожалуйста свяжитесь с нами, если вы столкнулись с неработающей ссылкой или были перенаправлены на неприемлемый контент. Пожалуйста, также сообщите нам, если вы заметили, что публикация связана с неофициальной версией или веб-сайтом.

Несмотря на то, что были приложены все усилия для обеспечения точного перевода модуля, обратите внимание, что модуль на английском языке является утвержденной версией. Поэтому в случае сомнений, пожалуйста, обратитесь к первоисточнику в английской версии.

Ознакомиться с условиями использования Модуля можно на [веб-сайте E4J](#).

© Организация Объединенных Наций, 2019. Все права защищены.

Используемые обозначения и представление материалов в этой публикации не подразумевают выражения какого-либо мнения со стороны Секретариата Организации Объединенных Наций относительно правового статуса какой-либо страны, территории, города или района или ее органов власти, или относительно разграничения его границ.

Данная публикация не была официально отредактирована.

Содержание

Введение	2
Результаты обучения	2
Основные вопросы	3
Международные нормативно-правовые рамки.....	4
Международные инструменты по правам человека	4
Региональные инструменты по правам человека	6
Африканский регион.....	6
Межамериканский регион	7
Ближний Восток и регион Персидского залива	9
Европейский регион	10
Международное гуманитарное право.....	11
Экстерриториальное применение права на жизнь.....	14
Произвольное лишение жизни	17
Общеприменимые принципы	17
Подход к произвольным убийствам с учетом гендерных аспектов	18
Произвольные убийства и лишение социально-экономических прав.....	20
Смертная казнь.....	22
Насильственные исчезновения	24
Условия вооруженного конфликта	25
Упражнения и тематические исследования (кейсы)	28
Упражнение 1: Подготовка концептуальных зарисовок (см. Методическое пособие)	28
Кейс 1: Нарушения права на жизнь в ходе военных операций.....	29
Кейс 2: Смертельное применение силы государствами	30
Кейс 3: Право на достойную жизнь	31
Кейс 4: Повышенный риск, с которым сталкиваются мигранты и трудящиеся-мигранты	32
Кейс 5: Назначение (обязательной) смертной казни для осужденных террористов.....	33
Кейс 6: Насильственное исчезновение	35
Кейс 7: Смертельное использование силы и право на жизнь	36
Возможное построение занятия	38
Основная литература	39
Дополнительная литература.....	41
Оценка учащихся	44
Вопросы для оценки	44

Дополнительные учебные инструменты	45
Видеоматериал	45
Кейсы	45
Библиография	46

Введение

Право на жизнь занимает центральное место в любой стратегии по противодействию терроризму, особенно защита жизни гражданских лиц, которые обычно являются объектами терактов. Различные меры и нарушения прав человека стали источником споров в отношении вопросов права на жизнь, в том числе применения смертной казни в качестве меры наказания к осужденным террористам за совершение насильственных исчезновений и целенаправленные убийства. Полемика вокруг таких подходов в некоторых случаях создавала неясность в отношении нормативно-правовых рамок, которым должны следовать правительства, правоохранительные органы и военные. Особая сложность возникает в связи с размытостью вопроса, какая практика является законной и правомерной в обычных сценариях обеспечения правопорядка в мирное время и во время вооруженного конфликта. Кроме того, в модуле рассматривается ряд проблемных вопросов, которые хоть и нежелательны в том числе с точки зрения прав человека, тем не менее, являются законными при условии соблюдения строгих критериев, таких как применение смертной казни и целенаправленные убийства. При изучении этих вопросов в модуле дополнительно рассматривается сфера действия права на жизнь в отношении права, политики и практики в области противодействия терроризму, также учитывая некоторые сложные вопросы и проблемы, которые остаются нерешенными, на национальном, региональном и международном уровнях.

Результаты обучения

- Определить и обсудить наиболее актуальные и сложные вопросы, касающиеся права на жизнь в контексте противодействия терроризму.
- Изучить применимые международные и региональные нормативно-правовые рамки, и связанную юриспруденцию, включая сходства и различия между ними.
- Рассмотреть парадигмы, применимые к праву на жизнь в условиях обеспечения правопорядка в мирное время и в ситуациях вооруженного конфликта, включая основные различия между ними.
- Понять и обсудить ряд современных проблем прав человека и верховенство права в более широком понимании.

Основные вопросы

Одна из актуальных и сложных проблем, возникающих в процессе обеспечения мира, справедливости и безопасности, касается того, каким образом в полной мере необходимо защитить право на жизнь. Многие считают, что это право должно занимать приоритетное место среди целей государства по предотвращению конфликтов и, соответственно, смерти. Право на жизнь считается «основополагающим правом», поскольку другие права становятся бессмысленными без полной и эффективной гарантии права на жизнь, и отступление от этого права запрещено даже во время чрезвычайного положения. Как отметил бывший Специальный докладчик ООН по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях, «право на жизнь является самым важным и основным правом человека. Оно является основой, из которой проистекают все права человека. В случае его нарушения, последствия необратимы» (Доклад Экономического и социального Совета E/CN.4/1983/16, п. 22).

Поэтому обязанность защищать право на жизнь людей на территории государства и в пределах его юрисдикции возлагается на государство, но такая обязанность должна выполняться в рамках верховенства права. Последнее замечание является особенно важным, учитывая трудности, с которыми сталкиваются государства при осуществлении эффективных механизмов в целях правопорядка, уголовного правосудия или даже вооруженного конфликта, в то же время, удовлетворяя необходимость защиты права на жизнь таким образом, который может даже противоречить стратегиям противодействия терроризму.

Необходимо, чтобы государства имели надежные механизмы по защите права на жизнь. Тем не менее, в этом модуле также рассматривается склонность самих государств к нарушению этого права и необходимость принимать строгие меры предосторожности и комплексные меры во избежание нарушения ими права на жизнь посредством их обязанности проявлять «должную осмотрительность». В модуле рассматриваются соответствующие вопросы, связанные с правом на жизнь, в контексте мер по обеспечению правопорядка в мирное время, а также право и практика, применяемые при соответствующих обстоятельствах во время вооруженного конфликта.

В модуле в частности, рассматриваются основные международные и региональные нормативно-правовые рамки по правам человека и соответствующая юриспруденция, а также международное гуманитарное право, имеющее отношение к праву на жизнь как в мирное время, так и в контексте вооруженного конфликта. Здесь рассматривается ряд актуальных вопросов, а именно: произвольное лишение жизни, в том числе дискурс по учету гендерной проблематики, и убийства путем лишения социально-экономических прав; применение смертной казни в качестве меры наказания к осужденным террористам; насильственные исчезновения; экстерриториальное применение права на жизнь; а также лишение жизни в ситуациях вооруженного конфликта.

Международные нормативно-правовые рамки

В следующем разделе представлена информация по основным международным правовым инструментам, направленным на защиту права на жизнь. После обсуждения основных международных и региональных договорных инструментов также рассматриваются некоторые договоры и инструменты, актуальные в контексте противодействия терроризму.

Международные инструменты по правам человека

Всеобщая декларация прав человека

Статья 3 [Всеобщей декларации прав человека 1948 года](#) (ВДПЧ) гласит, что «каждый человек имеет право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность». Эта статья перекликается со Статьей 25 ВДПЧ (которая дает каждому человеку право на адекватный уровень жизни, необходимый для поддержания здоровья и благосостояния, и обеспечивает особую защиту материнству и детству) и часто читается вместе со статьей 5, в которой обсуждаются «пытки или жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание», а также Статьей 9, согласно которой никто не может быть подвергнут «произвольному аресту, задержанию или изгнанию».

Международный пакт о гражданских и политических правах

Считается, что [Международный пакт о гражданских и политических правах](#) (МПГПП) содержит основное положение о праве на жизнь в соответствии со статьей 6 (1), которая гласит: «право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни». В соответствии со статьей 4 (2) не допускаются какие-либо отступления даже во время вооруженного конфликта или чрезвычайного положения. Кроме того, использование слова «неотъемлемое» в статье 6 (1), после чего указан явный запрет на произвольное лишение жизни, подчеркивает иерархический статус права. В Замечании общего порядка № 36 (2017 год) Комитет по правам человека подчеркнул, что не следует узко толковать это право и оно должно быть гарантировано для всех людей без каких бы то ни было различий. Это означает, что право на жизнь должно быть защищено для лиц, подозреваемых в совершении самых серьезных преступлений и осужденных за них.

Комитет по правам человека также считает, что статья 6 (2), (4) - (6) обеспечивает меры предосторожности странам, не отменившим смертную казнь, которая должна применяться только в исключительных обстоятельствах «в строжайших пределах». Второй Факультативный протокол о смертной казни аналогичным образом регулирует такие вопросы. Запрещая «произвольное» лишение жизни, статья 6 МПГПП неосторожно признает, что некоторые лишения жизни могут быть произвольными. К ним относятся самозащита во время вооруженного конфликта, о чем будет сказано ниже в модуле. В статье 6 (3) также конкретно регламентируется ее связь с [Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года](#). Это означает, что если лишение

жизни является преступлением геноцида, ни одно государство-участник МПГПП не может отступать от каких-либо своих обязательств по Конвенции о геноциде.

В 2017 году Комитет по правам человека завершил первое чтение обновленного проекта Замечания общего порядка по статье 6 МПГПП. В проект включено замечание о том, что государства-участники имеют обязательство проявления должной осмотрительности для принятия «разумных» мер, подходящих в конкретных обстоятельствах, которые не налагают на них невозможное или непропорциональное бремя в ответ на предсказуемые угрозы жизни, происходящие от частных лиц или организаций, поведение которых не относится к государству. Поэтому государства обязаны принимать адекватные превентивные меры для защиты лиц от убийств преступниками или организованными преступными группами или группами ополченцев, включая вооруженные или террористические группы (доклад Генеральной Ассамблеи А/72/316, п. 16). Заинтересованным сторонам было предложено представить материалы по проекту замечаний до 6 октября 2017 года.

Конвенция о правах ребенка

Статья 6(1) данной [Конвенции](#) гласит: «государства-участники признают, что каждый ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь». Это совпадает с общим обязательством в соответствии со статьей 6 МПГПП, а также статьей 24 (1) Конвенции о правах ребенка, согласно которой у каждого ребенка должны быть «такие меры защиты, которые требуются согласно его статусу несовершеннолетнего со стороны семьи, общества и государства». В статье 24 далее предусматривается осуществление специальных мер в целях защиты права на жизнь ребенка, например регистрация сразу после рождения, наличие имени и право на получение гражданства. Право на жизнь согласно статье 6 Конвенции о правах ребенка далее рассматривается как особое право, которое содержит один из общих принципов, помогающих толковать другие статьи Конвенции. Таким образом, статья 6 играет основополагающую роль в реализации прав всех детей согласно Конвенции и признанию права на выживание и развитие ребенка.

Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений

Данная [Конвенция](#) была принята в 2006 году для борьбы с насильственными исчезновениями, которые определяются как форма лишения свободы, совершаемая представителями государства или лицами/группами, действующими с разрешения, при поддержке или с согласия государства, при последующем отказе признать факт лишения свободы или сокрытии данных о судьбе или местонахождении исчезнувшего лица, вследствие чего это лицо оставлено без защиты закона. Это был первый международный договор, который прямо запрещает такую практику насильственного исчезновения и требует от государств отнесения насильственных исчезновений к категории уголовно наказуемых деяний и обеспечения доступа жертвам к средствам правовой защиты в рамках внутреннего законодательства. Конвенция запрещает тайное содержание под стражей, требует полного прозрачного учета статуса и местонахождения задержанных лиц, а также право на адвоката.

Конвенция устраняет пробелы в защите от исчезновений. Весьма немаловажно, что включение в нее права на то, чтобы не быть жертвой насильственного исчезновения, а также определения исчезновения являются заметными достижениями. Это определение имеет два аспекта, поскольку оно не только признает уникальный характер исчезновений, но также стремится предотвратить обострение и эскалацию насильственных исчезновений в результате действий представителей государства или лиц, уполномоченных государством. Тем не менее, несмотря на свои положительные достижения, содержание по-прежнему остается неоднозначным в некоторых

отношениях. Поскольку государства включают определенные аспекты насильственных исчезновений в расследование террористической деятельности, четко не определено, где проводится линия, когда действия государства будут считаться насильственным исчезновением в соответствии с Конвенцией и будут ли подпадать под ее защитную функцию. Некоторые области стратегии противодействия терроризму и ее согласование с Конвенцией требуют дополнительных разъяснений.

Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей

Статья 9 [Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей](#) говорит о том, что «право трудящихся-мигрантов и членов их семей на жизнь охраняется законом». Считается, что Конвенция признает права, специфичные для положения трудящихся-мигрантов, в отношении конкретных областей, где трудящиеся-мигранты могут быть уязвимыми или подвергаться эксплуатации. На трудящихся-мигрантов могут распространяться стратегии по противодействию терроризму, которые влекут за собой незаконную силу или даже насильственные исчезновения, поэтому Конвенция вновь подтверждает их право на жизнь. По сути, различные договорные органы поднимали вопрос о том, что антитеррористические меры являются предметом беспокойства для мигрантов. Повторное подтверждение этого права также связано с тем, что в других договорах по правам человека и национальных законах, содержащих право на жизнь, используются ссылки на «граждан» или «жителей», что *де юре* исключает мигрантов.

Региональные инструменты по правам человека

Африканский регион

Африканская хартия прав человека и народов

Статья 4 Африканской хартии считает людей «неприкосновенными» и предусматривает, что «каждый человек имеет право на уважение своей жизни и личной неприкосновенности. Никто не может быть произвольно лишен этого права». Как следует из общего замечания Африканской комиссии по правам человека и народов (АКПЧН) № 3, Африканскую хартию следует толковать в широком смысле как защиту достойной жизни (с. 1) (ОАЕ, АКПЧН, 2015). В этом замечании общего порядка положение о праве на жизнь в Африканской хартии толкуется еще более широко как включающее требование о подотчетности. В частности, в замечании общего порядка говорится, что если государство не в состоянии прозрачным образом принять все необходимые меры для расследования случаев смерти или привлечения к ответственности отдельных лиц/групп за нарушения права на жизнь, то это также является нарушением права на жизнь самим государством. Подчеркивается, что прозрачность законов, политики и процессов также является важным для выполнения обязательств государства по защите права на жизнь. Африканская комиссия идет дальше, чем Комитет по правам человека, подтверждая, что

Африканская хартия не признает применение смертной казни даже в ограниченных обстоятельствах, хотя это заявление, скорее всего, объясняется тем, что Хартия не содержит явного упоминания о смертной казни (ОАЕ, АКПЧН, 2015).

В отличие от других региональных систем, Африканская комиссия не определила точно сферы действия права на жизнь. Примером может служить дело Организации *Mondiale Contre La Torture*, Международной ассоциации юристов-демократов, Международной комиссии по делам юристов (C.I.J) и Межафриканского союза по правам человека (*Union Interfricaine des Droits de l'Homme*) против Руанды (1996). В этом деле несмотря на то, что Комиссия пришла к выводу о том, что массовое убийство тутси вооруженными силами Руанды было нарушением права на жизнь, комиссия не указало сферу действия этого права. Она также не дала руководящих указаний относительно (позитивных и негативных) обязанностей государства в отношении права на жизнь. При этом право на жизнь обязывает государства инициировать по своему усмотрению расследование права на жизнь (Национальная комиссия по правам человека и свободам против Чада, 1995, п. 22). По этому вопросу в Африканской хартии на самом деле прямо принят стандарт должной осмотрительности по расследованию права на жизнь согласно решению Межамериканского суда по делу Веласкеса Родригеса (1988). Сопутствующая позитивная обязанность государств расследовать убийства была подтверждена в числе прочих в деле *Amnesty International, Bachelard* и Комитет юристов в защиту прав человека, Ассоциация членов епископской конференции Восточной Африки против Судана (1999) (см. также *Оредраого* против Букина Фасо, 2001, п. 4). Вместе с тем, Африканская комиссия также признала, что для выполнения этой обязанности может возникнуть вопрос о достаточных ресурсах. Комиссия, также, как и Межамериканский суд, проводит различие между отсутствием юрисдикции в отношении событий, имевших место до ратификации Хартии, и ситуациями, которые приводят к постоянному нарушению права на жизнь после ратификации, например, неспособность провести расследование по делу бенефициаров *Норбера Зонго* и др. против Буркина-Фасо (2014).

Межамериканский регион

Американская конвенция о правах человека

В Статье 4(1) [Американской конвенции о правах человека](#) (принята 22 ноября 1969 г., вступила в силу 18 июля 1978 г.) говорится, что «каждый человек имеет право на уважение своей жизни. Это право защищается законом и, как правило, с момента зачатия. Никто не может быть произвольно лишен жизни». Таким образом, это положение подтверждает как позитивные, так и негативные обязанности государства (*Мирна Мак Чанг* против Гватемалы, 2003, п. 153). Межамериканский суд (МАСПЧ) сыграл основную роль в разработке толкования этого положения. Он утверждал, что статья 4 требует, чтобы государства принимали «все надлежащие меры» для защиты этого права и неспособность сделать это является нарушением права на жизнь (*Семья Барриос* против Венесуэлы, 2011, п. 48). В 2012 году в деле *Артавиа Мурилло и др. против Коста-Рики* ключевой вопрос касался запрета на экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО). В этом деле «каждый человек» был истолкован как «каждый человек» в соответствии со статьей 1 (2) Американской конвенции, а также когда произошло начало жизни. В более широком смысле МАСПЧ счел, что термин «в целом» означает, что право на жизнь «не следует понимать как абсолютное право, предполагаемая защита которого может оправдать полное отрицание других прав». Далее Суд добавил, что статья 4 Американской конвенции допускает «по мере необходимости необходимый баланс между конкурирующими правами и интересами» (2012, pp. 258 и 263). Межамериканская

комиссия по правам человека (МАКПЧ) относит право на жизнь в категорию *jus cogens*, хотя оно не является абсолютным правом, что является спорным.

Один интересный момент касается юрисдикции по критерию *ratione temporis* в делах по праву на жизнь. МАСПЧ признал, что он не имеет юрисдикции по делам, имевшим место до ратификации Конвенции, но может осуществлять юрисдикцию по тем делам, где нарушения права на жизнь имели место до ратификации Конвенции, но их последствия продолжаются после ратификации, как правило, в делах по насильственному исчезновению. В деле Веласкеса Родригеса (1988) суд также заявил, что все расследования по нарушениям права на жизнь (и других прав человека) должны быть «серьезными», что означает, что государство должно «использовать имеющиеся средства для проведения серьезного расследования нарушений, совершенных в пределах его юрисдикции, для нахождения виновных, наложения соответствующих мер наказания и обеспечения жертвам адекватной компенсации».

Толкование права на жизнь в соответствии с Конвенцией и обязательство государства по проведению расследований во многом формировалось в контексте насильственных исчезновений, которые были распространены в регионе. В этом смысле МАСПЧ настаивал на том, что обязанность государства по проявлению должного усердия формируется насильственными исчезновениями и, в более общем плане, контекстом. Этот подход отличается от Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), который заявил, что сфера применения процессуальных обязательств недвусмысленна. Африканская комиссия, хоть и опирается на судебную практику Межамериканского суда, не высказывалась относительно влияния контекста на позитивные обязательства государства в отношении права на жизнь. И МАСПЧ, и ЕСПЧ требуют, чтобы преследование и наказание виновных в нарушении права на жизнь были эффективными. Кроме того, МАСПЧ воздержался от подробного раскрытия обязанности по проведению расследований по нарушениям права на жизнь. Это объясняется распространенной практикой государств, которые начинают официальные расследования, но не доводят их до конца. Власти не проводят расследование по существу, превращая просто в регистрацию, как это произошло в деле *Cotton Field против Мексики* (2009).

Протокол к Американской конвенции о правах человека об отмене смертной казни

[Протокол](#) признает положение о праве на жизнь в Американской конвенции о правах человека и далее добавляет, что «каждый человек имеет неотъемлемое право на уважение своей жизни, право, которое не может быть отнято ни по какой причине». Далее в протоколе признается, что отмена смертной казни является более эффективным способом защиты права на жизнь. Тем не менее, Протокол не запрещает однозначным образом смертную казнь, поскольку в статье 2 допускается возможность оговорки государствами-участниками применения смертной казни в военное время и в соответствии с международным правом за совершение особо тяжких преступлений военного характера.

Американская декларация прав и обязанностей человека

Статья 1 [Американской декларации](#) признает, что каждый человек имеет право на «жизнь, свободу и безопасность». Несмотря на то, что при ее принятии Декларация не являлась юридически обязательным документом, МАКПЧ утверждает, что с тех пор она приобрела этот статус на том основании, что ее текст впоследствии был включен в Устав

Организации американских государств. Позиция Комиссии по Американской декларации также менялась в отношении двух конкретных вопросов, связанных с правом на жизнь, а именно: абортов и смертной казни. В деле Роуч и Пинкертон против США (1987) (см. также Томпсон против Оклахомы, 1988, пп. 823-831) Комиссия установила, что США нарушают положение о праве на жизнь. Несмотря на то, что в статье 1 не говорится о смертной казни, Комиссия утверждала, что США нарушили право на жизнь в соответствии с обычным международным правом в связи с запретом на казнь лиц, совершивших преступление в возрасте до 18 лет. Нарушение было также отмечено в свете статьи 26 Американской декларации, согласно которой люди не должны «получать жестокое, позорное или необычное наказание». Мнение Комиссии было таким, что США обязаны выполнять Американской декларацию в связи с ратификацией ими Устава ОАГ.

Межамериканская конвенция о насильственном исчезновении лиц

Несмотря на то, что данная [Конвенция](#) прямым образом не требует защиты права на жизнь, это право рассматривается в ней более широко в контексте других основных инструментов по правам человека. Конвенция относится к насильственным исчезновениям людей как к нарушениям неотъемлемых существенных прав человека, содержащихся в Американской декларации прав и обязанностей человека и Всеобщей декларации прав человека. В связи с этим оно включает в себя неотъемлемое право на жизнь, предусмотренное в этих документах. Такие дела как *Осорио против Ривера и Члены семьи против Перу* (2013) демонстрируют подход МАСПЧ к насильственным исчезновениям в соответствии с Конвенцией даже в тех случаях, когда государства отклонили свою компетенцию по критерию *ratione temporis*.

Ближний Восток и регион Персидского залива

Арабская хартия прав человека

Право на жизнь предусмотрено в статьях 5-8 [Арабской хартии](#) прав человека. В Статье 5 указано, что «каждый человек имеет неотъемлемое право на жизнь. Это право защищено законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни». Положение о праве на жизнь было включено только в пересмотренный вариант Хартии 2004 года, предназначенной для «модернизации» Лиги арабских государств. Считалось, что более старая версия 1994 года в значительной мере не соответствовала международным стандартам. Даже в новой версии 2004 года Хартия по-прежнему подвергается критике за то, что она не полностью соответствует или не отражает международное право в области прав человека. Для начала маловероятно, что Арабская хартия будет толковаться таким же образом как статья 6 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП), поскольку ряд арабских стран до сих пор применяет смертную казнь, иногда при сомнительных сопутствующих стандартах в отношении надлежащего судопроизводства или справедливого судебного разбирательства в соответствии с международным правом в области прав человека. Аналогичным образом, несмотря на положение о праве на жизнь, статья 7 Хартии допускает смертную казнь для лиц младше 18 лет, если это предусмотрено национальным законодательством.

Европейский регион

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод

В Статье 2 [Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод](#) (ЕКПЧ) указано, что «право каждого человека на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание». Хотя все эти инструменты – МПГПП, Африканская хартия, Американская конвенция, ЕКПЧ и Арабская хартия – защищают право на жизнь, между ними есть различия в степени такой защиты, в частности, в отношении толкования «произвольное». ЕКПЧ является единственным среди этих инструментов, предусматривающим конкретные обстоятельства, которые не считаются нарушающими право на жизнь. В статье 2 далее предусматривается, что человек может быть лишен жизни, когда применение силы:

Абсолютно необходимо: (а) для защиты любого лица от противоправного насилия; б) для осуществления законного ареста или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях; с) для подавления бунта или мятежа в соответствии с законом.

Это в некоторой степени помогает в толковании произвольного лишения жизни, хотя слово «произвольное» явным образом не используется. Однако статья 15 (2) допускает отступление от статьи 2 в целях правомерных военных действий. Кроме того, толкование стандарта должной осмотрительности, необходимой для расследований в отношении права на жизнь, отличается от толкования, применяемого в африканской или латиноамериканской региональных системах. Основное внимание ЕКПЧ направлено на «эффективное, официальное расследование», как в деле *Хью Джордан против Великобритании* (2001), где требовалась «образцовая должная осмотрительность». Кроме того, Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) прибег к юриспруденции Комитета по правам человека и Межамериканского суда по правам человека (МАСПЧ) для того, чтобы утверждать, что расследование в отношении права на жизнь может быть обязательным для государства, даже если лишение жизни произошло до вступления Конвенции в силу.

Протокол № 13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в отношении отмены смертной казни при любых обстоятельствах

[Протокол](#) прямо признает, что право на жизнь является основополагающей ценностью в демократическом обществе и что в целях укрепления его защиты крайне важно отменить смертную казнь. Принятие этого Протокола было вызвано стремлением полностью отменить смертную казнь в государствах-членах Совета Европы и устранить в качестве исключения в военное время, включенное в Протокол № 6. Также утверждалось, что Протокол № 13 косвенно изменит право на жизнь, статью 2 (1) ЕКПЧ, что станет очевидным на практике. Статья 5 Протокола касается взаимосвязи между ним и ЕКПЧ, который на самом деле заявлен как дополнение к ЕКПЧ, а не полная его замена или поправка. В комментариях к Протоколу позиция в отношении смертной казни разъясняется следующим образом:

Дополнительный протокол не заменяет собой статью 2 Конвенции, поскольку первое предложение первого абзаца и весь второй абзац этой статьи остаются в силе... понятно,

что второе предложение первого абзаца больше не применяется в отношении государств-сторон настоящего Протокола. (Серия договоров Совета Европы – Пояснительные доклады, 2002, статья 5).

Протокол во многом вызвал сдвиг в коллективной уголовной политике, о чем свидетельствует тот факт, что к 2003 году все государства-члены, кроме России, подписали и ратифицировали Протоколы № 6 и № 13. Изменение в отношении также отразилось на деле *Оджалана против Турции* (2005) (см. ниже).

Международное гуманитарное право

Хотя право на жизнь больше относится к сфере международного права в области прав человека, также в некоторой степени оно пересекается с международным гуманитарным правом (см. Модуль 6). Действительно, Комитет по правам человека заявил, что две «сферы права являются взаимодополняющими, а не взаимоисключающими» (Замечание общего порядка № 31 CCPR/C/21/Rev.1 / Add.13, п. 11). При этом следует помнить, что главная проблема международного гуманитарного права заключается в регулировании поведения во время вооруженных конфликтов, поскольку, как отметил Dinstein, одной из его основных целей является смягчение страданий людей в период таких конфликтов (Dinstein, 2010, стр. 20). Кроме того, следует соблюдать осторожность при рассмотрении международного гуманитарного права, поскольку, несмотря на использование прилагательного «гуманитарный», было бы неправильно предполагать, что это правовой режим, связанный главным образом с защитой прав человека во время вооруженных конфликтов (Miyazaki, 1984, стр. 433). Вместе с тем нельзя отрицать, что многие положения, содержащиеся в ключевых документах международного гуманитарного права, касаются защиты прав человека несмотря на то, что язык права в области прав человека явным образом не используется. Тем не менее, большинство этих прав предоставляется исключительно государствам, а не отдельным лицам.

При рассмотрении основных договоров международного гуманитарного права, защита прав человека и, в частности, права на жизнь становится очевидной. Общая статья 3 [Женевских конвенций 1949 года](#) о немеждународном вооруженном конфликте запрещает насилие в отношении всех лиц, не принимающих активного участия в военных действиях без каких-либо неблагоприятных различий, в том числе по признаку гражданства. В этой статье предусматривается минимальный стандарт защиты прав во всех видах вооруженных конфликтов, как это было решено по делу Никарагуа (*Никарагуа против США*, 1986, п. 218). Статья 32 Женевской конвенции IV защищает гражданских лиц противника от злоупотреблений со стороны договаривающихся сторон. Права человека, включая право на жизнь, конкретно не упоминаются, но поскольку положение «запрещает убийства, пытки, телесные наказания, увечья и медицинские или научные эксперименты», очевидно, что предусмотренные меры защиты аналогичны признанной защите основных прав человека, включая право на жизнь.

Статьи 50 и 51 [Дополнительного протокола I](#) основываются на тех видах защиты, которые изложены в Женевских конвенциях 1949 года, и обеспечивают дальнейшие указания, направленные на защиту гражданских лиц и гражданского населения в ходе международных вооруженных конфликтов. Статья 51 (2) гласит, что гражданское население «не является объектом нападения», а в Статье 51 (3) указано, что «граждане пользуются защитой, предусмотренной настоящим разделом за исключением и на такой период, пока они принимают непосредственное участие в военных действиях». Статья 75 того же [Дополнительного протокола](#) предусматривает право на жизнь лицам, находящимся во власти противостоящих сил. В частности, в отношении

немеждународных вооруженных конфликтов [Дополнительный протокол II](#) защищает право на жизнь и отношения между государством и отдельными лицами в пределах его юрисдикции. Эти примеры не являются исчерпывающим списком, а, скорее, дают представление о защите права на жизнь, предусмотренной в основных договорах международного гуманитарного права. Декларация минимальных гуманитарных стандартов (принята в г. Турку) также ссылается на неотъемлемое право на жизнь (Декларация Комиссии по правам человека E/CN.4/1995/116), где рассматриваются вопросы, связанные с междоусобицами, чрезвычайными ситуациями и беспорядками.

Помимо договорных положений, право на жизнь также защищено принципами гуманитарного права, такими как принцип пропорциональности, принцип мер предосторожности и принцип необходимости, направленными на снижение числа жертв во время вооруженного конфликта; принцип различия; а также запретом на оружие, вызывающее предотвратимый и чрезмерный вред. Есть также положения о серьезных нарушениях, которые усиливают защиту права на жизнь.

При этом следует добавить, что связь между международным гуманитарным правом и правом в области прав человека не является простой. Например, помимо международного гуманитарного права, отражающего многие аспекты права человека на жизнь, некоторые положения о праве на жизнь, содержащиеся в основных инструментах по правам человека, как указано в предыдущем разделе, также подтверждаются международным гуманитарным правом. Существуют также случаи, когда два режима могут противоречить друг другу (Milanovic, 2010). Рассматривая значение международного гуманитарного права и его связь с правом человека на жизнь, следует напомнить, что между соответствующими договорами, предусматривающими защиту права человека на жизнь, существуют значительные вариации. Поэтому чтобы прояснить, как эти отношения отличаются в зависимости от соответствующего правового режима в отношении прав человека, необходимо в свою очередь рассмотреть ряд этих систем.

Начнем с Европейской конвенции о правах человека (ЕКПЧ). Статья 2 запрещает любое умышленное лишение жизни, за исключением случаев, когда «оно является результатом абсолютно необходимого применения силы: (а) для защиты любого лица от противоправного насилия, (b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях; (с) для подавления бунта или мятежа в соответствии с законом». Статья 15 (2) ЕКПЧ допускает отступление от права на жизнь в условиях «правомерных военных действий». Для того чтобы отступление от статьи 2 было эффективным, лишение жизни государством должно соответствовать международному гуманитарному праву и, следовательно, *ius ad bellum* и *ius in bello*, что также требуется Статьей 15 (1) ЕКПЧ, что означает, что такие действия не должны противоречить «другим обязательствам государства по международному праву».

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), как правило, применял, в первую очередь в таких обстоятельствах инструменты по правам человека. В этом смысле Суд рассматривал дела по вооруженным конфликтам как обычные дела по вопросам обеспечения правопорядка, включая дела, связанные с терроризмом, как в случае с делом *Макканна и др. против Великобритании* (1995). Далее, указывая на это, судья Братца в своем особом мнении в деле *Агдаса против Турции* заключил, что суд должен убедиться в том, что «применение силы было абсолютно необходимым» (2004, особое мнение судьи Братца, стр. 6). Поэтому совершенно очевидно, что государства должны проявлять особую осторожность при применении силы со смертельным исходом, при этом Суд должен придерживаться мнения, что в отношении лишения жизни должен присутствовать элемент необходимости; немаловажно, что такой уровень защиты не

встречается в международном гуманитарном праве, где комбатант является мишенью, если он не *hors de combat* (Lubel, 2005, стр. 745-746), при этом это справедливо несмотря на временные ограничения и в отношении гражданских лиц, принимающим непосредственное участие в военных действиях, как указано в статье 51 (3) Дополнительного протокола I.

С другой стороны, в статье 6 (1) Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) отмечается, что «никто не может быть лишен жизни». Статья 4 (2) запрещает отступление от этого права при каких бы то ни было обстоятельствах. Однако несмотря на то, что в МПГПП в качестве исключения из Статьи 6 прямо упоминается только смертная казнь, законные военные действия также были признаны таковыми. В консультативном заключении 1998 года по ядерному оружию Международный суд подтвердил, что использование ядерного оружия может составлять нарушение права на жизнь в соответствии с МПГПП, поскольку «право на то, чтобы не быть произвольно лишенным жизни, также применяется при военных действиях» (МС, 1996, п. 25). Суд далее отметил, что отступления от Статьи 4 не допускаются, но заключил, что «проверка в отношении того, что является произвольным лишением жизни определяется *lex specialis*, а именно правом, применимым в вооруженных конфликтах, которое призвано регулировать ведение военных действий». (МС, 1996, п. 25).

Аналогичным образом, в деле *Лас-Пальмераса* (1998, п. 57) Межамериканская комиссия по правам человека (МАКПЧ) приняла решение по вопросам права на жизнь путем толкования Американской конвенции наряду с нормами обычного международного гуманитарного права, касающимися внутренних вооруженных конфликтов, и общей статьей 3 Женевских конвенций 1949. Комиссия сочла, что Американская конвенция сама по себе не является достаточной для регулирования права на жизнь в условиях вооруженного конфликта, в том числе для определения того, когда гибель людей является правомерным военным действием. Комиссия сочла, что международное гуманитарное право является необходимым и авторитетным *lex specialis* и, следовательно, играет ключевую роль в толковании сферы применения права человека на жизнь во время вооруженного конфликта.

Понятно, что право на жизнь лежит в основе свода норм права, включающего международное гуманитарное право. Хотя оно отличается от свода норм по правам человека, оба направления права следует рассматривать как взаимодополняющие, а не взаимоисключающие, несмотря на некоторые доводы об обратном. Каждый свод норм права обеспечивает собственные стандарты, регулирующие поведение государств, при этом имеются случаи, когда нормы международного права в отношении права на жизнь перекликаются с соответствующими правовыми режимами по правам человека, поэтому важно, что для полного понимания права человека на жизнь необходимо понимание обоих режимов (см. далее Модуль 6).

Экстерриториальное применение права на ЖИЗНЬ

Определения относительно того, нарушает ли смертельное применение силы право на жизнь, как правило, зависит от удовлетворения ряда критериев. Правовые сложности могут возникать в тех случаях, когда деятельность государства происходит за пределами его территории, при этом возникают сопутствующие вопросы - распространяется ли защита права человека на жизнь за пределами государства? Другими словами, может ли международное право в области права на жизнь применяться к практике одного государства на территории другого?

Если рассматривать терминологию, используемую в основных международных договорах, то формулировка соответствующих международных и региональных инструментов отличается. Если Статья 2 (1) [Международного пакта о гражданских и политических правах](#) (МПГПП) предусматривает обязательства государства в области прав человека «на своей территории», то статья 1 ЕКПЧ относится к обеспечению прав «в пределах юрисдикции государства», а статья 1 Американской конвенции обязывает государства уважать и защищать права лиц, «находящихся под их юрисдикцией». Однако Африканская хартия не содержит какие-либо ссылки на территориальные или юрисдикционные ограничения. Несмотря на эти положения, ключевой вопрос заключается в том, распространяется ли юрисдикция государства за пределы национальных границ, когда речь идет о случаях связанных с международным терроризмом. Особенно это актуально в связи с практикой противодействия терроризму некоторых государств, которые целенаправленно убирают людей со своей территории в попытке также вывести их из своей правовой юрисдикции и сопутствующих обязательств в области прав человека.

В отношении экстерриториального применения права в области прав человека Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), Межамериканский суд по правам человека (МАСПЧ) и Комитет по правам человека определили, что их соответствующие инструменты по правам человека могут применяться экстерриториально (Goldman, 2013, стр. 106). Интересно отметить, что Комитет по правам человека пришел к такому выводу, несмотря на указанную формулировку статьи 2 (1) МПГПП. Как отметил Goldman, эти «договорные органы, похоже, согласны с тем, что экстерриториальная юрисдикция в принципе применяется, когда государство осуществляет эффективный контроль над территорией и/или лицами».

Изучая идею эффективного контроля, Комитет в течение длительного времени истолковывал статью 2 таким образом. Например, в 1981 году Комитет постановил, что Уругвай допустил нарушение Пакта, когда его агенты действовали на территории Аргентины и Бразилии. В этом случае Комитет пришел к выводу о том, что «было бы необоснованно толковать обязанность [государства] согласно статье 2 Пакта таким образом, чтобы позволить государству-участнику совершать нарушения, которые он не мог бы совершить на своей территории» (CCPR/C/13/D/52/1979, п. 12.3). В дополнение к этому в Замечании общего порядка № 31 Комитет отметил, что обязанность государства-участника по обеспечению прав всех лиц на своей территории включает «любое лицо, находящееся под властью или эффективным контролем государства-участника, даже если оно не находится на территории государства-участника... Этот принцип применяется к тем, кто находится под властью или эффективным контролем сил государства-участника, действующих за пределами его территории» (CCPR/C/21/Rev.1/Add.13). Эта точка зрения была подтверждена Международным судом в деле *о правовых*

последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории. После оценки *travaux preparatoires* и практики Комитета Суд убедился в том, что сфера применения Пакта распространяется на «действия, совершаемые государством при осуществлении своей юрисдикции за пределами собственной территории» (МС, 2004, п. 111).

ЕСПЧ давно подтвердила экстерриториальную сферу применения ЕКПЧ. В деле *Kinpr против Турции* было установлено, что согласно статье 1 Конвенции, стороны должны обеспечивать права и свободы всем в пределах юрисдикции государства, причем этот термин не ограничивается территориальными границами государства. Крайне важно, что «Договаривающиеся стороны обязаны обеспечивать указанные права и свободы всем лицам, находящимся под их фактической властью и ответственностью независимо от того, осуществляются ли эти властные полномочия на их территории или за рубежом» (1975). Однако, несмотря на эту первоначальную ясность, как утверждали Wallace и Mallory, последние решения ЕСПЧ внесли некоторую неопределенность в этот вопрос (Wallace and Mallory, 2016, стр. 5).

В качестве доказательства этой неопределенности можно привести дело *Банковича*, когда ЕСПЧ отклонился от своего подхода, которого он придерживался в более раннем прецедентном праве. Дело *Банковича* касалось права на жизнь жертв воздушных бомбардировок НАТО в Косово. Суд постановил, что в соответствии со статьей 1 ЕКПЧ юрисдикция является территориальным вопросом и что его предыдущие решения свидетельствуют о том, что он признает экстерриториальные акты как составляющие осуществление юрисдикции в исключительных обстоятельствах. Он заявил:

Неспособность принять экстерриториальную юрисдикцию государств-ответчиков нарушила бы цель Конвенции по обеспечению общественного порядка, которая сама подчеркивает фактически региональное предназначение системы Конвенции. (...) Вкратце, Конвенция является многосторонним договором, действующим (...) в основном в региональном контексте и, в частности, в правовом пространстве (...) Договаривающихся государств. [Союзная Республика Югославия] однозначно не входит в это правовое пространство. Конвенция не предназначена для применения во всем мире, даже в отношении поведения Договаривающихся государств. Соответственно, до сих пор Суд полагался на желание избегать пробелов или вакуума в защите прав человека в пользу установления юрисдикции только тогда, когда рассматриваемая территория была территорией, которая для конкретных обстоятельств охватывалась бы Конвенцией (п. 80).

Это, по-видимому, ограничивает юрисдикцию Конвенции территориальными границами Совета Европы. Однако тогда Суд, по-видимому, отклонился от подхода в деле *Банковича* в делах *Оджалана* и *Исы*. В деле *Оджалана* было определено, что *Оджалан* находился под «фактической властью турецких властей, а значит в пределах «юрисдикции» этого государства по смыслу статьи 1, даже несмотря на то, что Турция осуществляла свои полномочия за пределами своей территории» (2003, п. о 71). Схожее толкование, которое резонировало с решением Комитета по правам человека, было принято ЕСПЧ в деле *Исы*. Суд пояснил, что он считает, что подотчетность «проистекает из того факта, что статья 1 Конвенции не может толковаться таким образом, чтобы позволить государству-участнику совершать нарушения Конвенции на территории другого государства, которые бы оно не могло совершать на своей территории» (2004, п. 71). Затем Суд пришел к выводу, что противоречит выводам в деле *Банкович*. Он заявил, что не исключает «возможности того, что как следствие этих военных действий государство-ответчик может считаться временно осуществлявшим эффективную власть над определенной частью территории» (п. 74). Эта позиция была конкретизирована Судом, когда в деле *Аль-*

Скейни он вновь повторил, что, когда представители государства осуществляют контроль и власть над отдельным лицом за пределами своей территории, в соответствии со статьей 1 оно обязано обеспечить защиту прав и свобод этого лица (2011, п. 149).

Поэтому, похоже, что ЕСПЧ принял более либеральный, всеобъемлющий подход в случаях, когда Договаривающаяся сторона удовлетворяет определенным критериям, таким как осуществление эффективного контроля над географическим районом, где происходит предполагаемое нарушение. Сравнительная юриспруденция межамериканской системы аналогичным образом свидетельствует о широком консенсусе относительно экстерриториального воздействия соответствующих договоров по правам человека. В начале следует отметить, что наибольшая часть прецедентного права в рамках межамериканской системы исходит от Комиссии, а не от МАСПЧ в связи с тем, что большинство дел связаны с США, которые еще не ратифицировали Американскую конвенцию. В деле *Коард и др. против США* Комиссия постановила, что, хотя юрисдикция обычно относится к лицу, находящемуся в пределах территориальных границ государства, она может при определенных обстоятельствах:

относиться к деяниям с экстерриториальным местоположением, где соответствующее лицо присутствует на территории одного государства, но находится под контролем другого государства, обычно – вследствие действия представителей последнего за границей. В принципе запрос касается не гражданства или присутствия предполагаемой жертвы в определенном географическом районе, а того, соблюдало ли государство в определенных обстоятельствах права лица, находящегося под его властью и контролем. (1999, п. 37).

Поэтому очевидно, что формируется универсальное понимание, что международные и региональные системы прав человека имеют общий подход к экстерриториальности.

В отношении экстерриториального применения права на жизнь интерес представляет один вопрос, связанный с целенаправленными убийствами. Эта тема вызывает ряд сложных вопросов. Целенаправленные убийства не только ставят под вопрос права человека на жизнь, но также вызывают сложные вопросы касательно применения силы. Такое экстерриториальное применение силы обычно оправдывается государствами в условиях, когда террористы скрываются на территории другого государства, которое не желает или не может осуществить их арест. Однако возникли трудности, когда использование целенаправленных убийств воспринималось как носящие карательный характер или как превентивные меры, не имеющие однозначного определения, а не в качестве крайней меры для спасения невинных жизней, находящихся в непосредственной опасности (Комитет по правам человека ССРР/С/ISR/2001/2). Таким образом, похоже, что государства могут нацеливаться на отдельных лиц в других государствах только в тех случаях, когда угроза неизбежна, когда строго соблюдены принципы необходимости и соразмерности и убийство является последним средством. Еще одним осложняющим фактором является то, что государство должно осознавать, что оно не нарушает суверенитет и территориальную целостность другого государства в нарушение Статьи 2(4) Устава ООН. Следует отметить, что в отношении действий, предпринимаемых государствами по борьбе с терроризмом, Совет Безопасности в 2001 году четко заявил, что все такие действия должны соответствовать обязательствам государств по международному праву, что включает как международное гуманитарное право, так и международное право в области прав человека (Резолюция СБ ООН 1373 (2001)). Таким образом, это означает, что меры, принимаемые государствами, должны соответствовать правам человека на жизнь независимо от того, осуществляется ли эта деятельность на родине или за рубежом.

Произвольное лишение жизни

Общеприменимые принципы

ООН определила лишение жизни как «преднамеренное или предсказуемое и предотвратимое причинение вреда здоровью или увечье, вызванное действием или бездействием» (Замечание общего порядка № 36, 2017, Комитет по правам человека, п. 13.2). Хотя стандартного определения «произвольного» нет, согласно Замечаниям общего порядка Африканской комиссии по правам человека и народов (АКПЧН) №3:

Лишение жизни является произвольным, если оно недопустимо согласно международному праву или положениям внутреннего законодательства, обеспечивающим большую защиту. Произвольность должна толковаться со ссылкой на такие соображения, как уместность, справедливость, предсказуемость, разумность, необходимость и соразмерность. Любое лишение жизни в результате нарушения процессуальных или материальных гарантий в Африканской хартии, в том числе на основе дискриминационных оснований или практики, является произвольным и, как следствие, незаконным. (ОАЕ, АКПЧН, 2015).

Этот подход отражает более ранние замечания и выводы Комитета по правам человека. Примечательно, что в 1982 году в деле *Суарес де Герреро против Колумбии* Комитет определил элементы произвола следующим образом: (a) достаточная правовая база; (b) законная цель; (c) абсолютная необходимость; и (d) строгая пропорциональность (ООН, Комитет по правам человека, 1982 (a)). Впоследствии в 1989 году в Принципах по эффективному предупреждению и расследованию внесудебных, произвольных и суммарных казней без надлежащего судебного разбирательства было также указано требование о расследовании *ex post facto* (пп. 9-17).

Межамериканский суд (см., например, дело *Константин и Бенджамин и др. против Тринидада и Тобаго*, 2002, обсуждение произвольного лишения жизни в отношении смертной казни) вместе с Межамериканской комиссией по правам человека (МАКПЧ) считает, что произвольное лишение жизни может произойти в пяти общих сценариях: смертная казнь, несоразмерное применение силы в обеспечении правопорядка, несоразмерное применение силы в вооруженных конфликтах, смерть заключенных и насильственные исчезновения. Это особенно важно для государств, которые могут использовать такого рода действия в своих стратегиях противодействия терроризму и, следовательно, преднамеренно или нет, могут как ни парадоксально произвольно лишать жизни и нарушать право других лиц на жизнь. Интересно отметить, что в деле *Раксакко Рейес против Гватемалы* Суд счел применение государством смертной казни за совершение преступления похищения людей, которое обычно используется в качестве тактики террористическими группами, нарушением статьи 4 (2) (2005, п. 66).

Комитет по правам человека, Межамериканская комиссия и Суд, а также Африканская комиссия установили стандарты для определения «произвольности» через верховенство права, необходимость и пропорциональность. Примечательно, что ЕКПЧ и, следовательно, ЕСПЧ, используют другой подход. В тексте соответствующей Конвенции не используется термин «произвольный», который может указывать на многогранность, вместо этого в Конвенции запрещены все умышленные убийства, если они не подпадают под установленные исключения, указанные в статье 2 (2) Конвенции. Тем не менее, в деле *Василевска и Калуца против Польши* (2010) было объявлено, что польское

правительство не рассмотрело вопрос соразмерности применения силы полицией, а также достаточную информацию о том, были ли реализованы законы и административные правила для защиты лиц против произвола. Комитет по правам человека далее заявил:

Защита от произвольного лишения жизни, требуемая в третьем предложении статьи 6 (1), имеет первостепенное значение. Комитет считает, что государства-участники должны принимать меры не только для предотвращения и наказания за преступления, связанные с лишением жизни, но и для предотвращения произвольных убийств собственными силами безопасности. Лишение жизни со стороны органов Государства является вопросом крайней силы. Поэтому закон должен строго контролировать и ограничивать обстоятельства, при которых лицо может быть лишено жизни такими органами (Замечание общего порядка № 6, HRI/GEN/1/Rev.1, п. 3).

Несмотря на то, что на практике противодействия терроризму приоритет должен отдаваться несмертоносному захвату, возможности сдаться и другим мерам по предотвращению человеческих жертв, бывают ситуации, когда может потребоваться применение силы. Контртеррористическая стратегия любого государства, разрешающая применение силы, должна находиться в пределах, когда действия не считаются произвольными. Сила должна соответствовать принципу необходимости по международному праву, а также принципу соразмерности.

Подход к произвольным убийствам с учетом гендерных аспектов

Вопрос произвольных убийств давно входит в повестку дня международного сообщества, однако убийства по признаку пола в целом были исключены из дискурса и практики международного права в области прав человека. В соответствии с международным правовым толкованием гендер понимается как «социальные атрибуты и возможности, связанные с тем, чтобы быть мужчиной и женщиной, развивающийся социальный и идеологический концепт, который оправдывает неравенство и способ категоризации, упорядочения и символизации властных отношений» (Генеральная Ассамблея, доклад Комитета по правам человека A/HRC/35/23, п. 16, см. также Замечание общего порядка № 20 Комитета по экономическим, социальным и культурным правам Экономического и социального совета, E/C.12/GC/20). В Замечании общего порядка № 20 Комитет по экономическим, социальным и культурным правам признал, что гендерные различия и гендерная идентичность относятся к запрещенным основаниям дискриминации (E/C.12/GC/20). В системе ООН Совет Безопасности, Контртеррористический комитет и Исполнительный директорат Комитета регулярно подчеркивали важность гендерного подхода, учитывая роль женщин в противодействии терроризму вследствие их влиятельного положения в семье и обществе. В настоящее время адекватный учет роли женщин и девочек является неотъемлемой частью стратегий борьбы с терроризмом и экстремизмом в качестве «мишеней, исполнителей и потенциальных партнеров» (Совет Безопасности, Контртеррористический комитет, [Роль женщин](#)).

В отношении гендерной чувствительности и произвольных убийств основное внимание уделяется проблеме «убийств по признаку пола». Специальный докладчик по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях определил понятие «убийство по признаку пола» как убийство, происходящее в частной сфере в отличие от совершаемого государством, при этом основной причиной или мотивом является дискриминация по признаку пола (доклад

Совета по правам человека A/HRC/20/16, п. 15). Поскольку право на жизнь в целом рассматривается как проблема публичного права, такая категоризация привела к выводу, что некоторые произвольные лишения жизни вызывают большую озабоченность и являются более серьезными и частыми, чем другие виды произвольного лишения жизни. В результате этого искажения некоторые организации, такие как Генеральная Ассамблея в своей резолюции 71/198, стали стремиться реализовать более широкие подходы к своей работе по произвольным убийствам, настоятельно призывая государства к обеспечению эффективной защиты права на жизнь целевых групп лиц, в том числе тех, кто является жертвами нарушений по признаку гендера. Как было отмечено в деле *Веласкеса Родригеса*, рассмотренном Межамериканским судом по правам человека (МАСПЧ), «решающим является то, произошло ли нарушение прав, признанных Конвенцией, при поддержке или молчаливом согласии государства или государство допустило свершение действия без принятия мер по его предотвращению или наказанию виновных». В этой связи государства должны проявлять должную осмотрительность в целях обеспечения того, чтобы частные акторы, в том числе негосударственные насильственные экстремистские / террористические акторы, соблюдали требования права человека на жизнь.

Включение убийств по признаку пола в категорию произвольных убийств не только укрепляет возможности и право жертв на требование возмещения, но также в той или иной мере способствует уменьшению нарушений права на жизнь. Кроме того, это может помочь обеспечить более четкое и добросовестное проведение государствами и их представителями контртеррористической деятельности в соответствии с принципами верховенства права.

Одна из областей, где женщины считают, что их право на жизнь непропорционально нарушается, касается смертной казни. Большинство женщин были приговорены к смертной казни по основаниям, не отвечающим критериям, составляющим самые тяжкие преступления, например, за прелюбодеяние, однополые отношения или гендерную идентичность. Специальный докладчик по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях отметил, что такие деяния не должны рассматриваться как преступления в соответствии с международной юриспруденцией в области прав человека (Генеральная Ассамблея, доклад Совета по правам человека A/HRC/35/23, стр. 8). Примерами других преступлений, за которые были вынесены смертные приговоры, являются преступления, совершенные в контексте самообороны, которые не могут считаться самыми тяжкими преступлениями. В этой связи Специальный докладчик по вопросу о внесудебных казнях заявил, что применение смертной казни в таких обстоятельствах будет произвольным. Следует также отметить, что Специальный докладчик подтвердил, что смертная казнь не должна применяться дискриминационным образом (Генеральная Ассамблея, доклад Совета по правам человека A/HRC/35/23, п. 31, см. также записку Генеральной Ассамблеи A/70/304, п. 143), что указывает на то, что при осуждении лица обоих полов должны получать соразмерное наказание.

Вооруженные конфликты более негативно влияют на женщин и девочек. Рассматривая контекст вооруженного конфликта, использование изнасилований и сексуального насилия в отношении женщин можно считать как средство ведения войны. Такие преступления совершаются как государственными, так и негосударственными субъектами и включают незаконные убийства по признаку пола (доклад Генеральной Ассамблеи A/61/122/Add.1, п. 143). Даже более общие казни и стратегии военного времени координируются и типизируются по признаку пола, например, использование оружия в районах, где проживает много женщин и детей. Связь между гендерными и произвольными убийствами такова, что в ситуациях мирного времени и вооруженных

конфликтов необходимо обеспечивать защиту права на жизнь, принимая во внимание эти весьма распространенные гендерные вопросы. Кроме того, расширение прав и возможностей женщин способствует эффективности стратегий противодействия терроризму и достижению Цели устойчивого развития 5 (ЦУР 5) по гендерному равенству.

Подход к произвольным убийствам с учетом гендерных аспектов не может не учитывать, что в некоторых случаях лица, идентифицируемые как мужчины, также подвергаются дискриминации. Например, и это особенно актуально в отношении противодействия терроризму, было установлено, что мишени для авиаударов дронов часто определяются исходя из пола, когда все взрослые мужчины в определенных географических районах считаются боевиками (Acheson, Moyes and Nash, 2014). Этот подход по нацеливанию на подозреваемых террористов по признаку пола имеет очевидные проблемы с точки зрения прав человека, поскольку нацеливание только по признаку гендера является произвольным. Кроме того, этот метод нацеливания вызывает серьезное беспокойство с точки зрения международного гуманитарного права. В докладе Международной женской лиги за мир и свободу «Пол и авиаудары дронов: гендер и идентичность при выборе цели и анализ характера положения цели» было рекомендовано, что государства не должны использовать гендерный признак в качестве признака, свидетельствующего о воинственности, при проведении атак или анализе положения характера цели после проведения атак, и что все государства должны прекратить внесудебные казни, а также так называемые удары по предполагаемым террористам, используя вооруженные беспилотники или другие средства. Кроме того, было высказано мнение о том, что любые государства, использующие вооруженные беспилотники, должны предоставлять прозрачные объяснения, указывающие на то, почему то или иное лицо было сочтено необходимой целью (Acheson, Moyes and Nash, 2014).

Подводя итоги, несомненно, Генеральной Ассамблеей предпринимались усилия по снижению масштабов нарушений права на жизнь исходя из вопросов, связанных с гендером, посредством постоянного стремления к усилению верховенства права и ликвидации произвольного лишения жизни. Помимо особого внимания Генеральной Ассамблеи к гендерной дискриминации в Резолюции 71/198 Ассамблея признала важность Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года, отметив, что ее реализация будет иметь важные положительные последствия для поощрения и защиты прав человека для всех, независимо от гендера.

Произвольные убийства и лишение социально-экономических прав

Широкий охват «произвольности» согласно статье 6 МПГПП означает, что лишение социально-экономических прав также может привести к произвольной гибели людей. Напомним, что понятие «социально-экономические права» охватывает широкий спектр прав, статья 6 [Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах](#) (МПЭСКП) предусматривает признание права на труд, в статье 11 отмечается, что каждый человек имеет право на «достаточный жизненный уровень ... включающий достаточное питание, одежду и жилище». Содержание статьи 13 предусматривает право на образование. Ознакомившись с некоторыми правами, содержащимися в МПЭСКП, становится понятным, что между этими правами и правом на жизнь есть связь.

Понятие права на жизнь связано с реализацией экономических и социальных прав. Защита права на жизнь может тесно коррелировать с защитой социально-экономических

прав, именно через эту призму все чаще толкуется статья 6 МПГПП. Специальный докладчик по вопросу о достаточном жилище выдвинул всеобъемлющее понимание права на жизнь в своем докладе за 2016 год (A/71/310). В докладе было признано, что право на жизнь «фактически не относится к той или иной категории прав человека. Жизненный опыт показывает, что право на жизнь не может быть отделено от права на безопасное место для жизни, которое имеет смысл только в контексте права жить в условиях уважения достоинства и обеспечения безопасности, не подвергаясь насилию». Уже одна эта цитата дает представление о глубине современного понимания права на жизнь.

В поддержку этому Комитет по правам человека толковал статью 6 таким образом, что государства должны рассматривать такие проблемы, как бездомность, недоедание, болезни и нищета, как нарушение права на жизнь. В проекте Замечаний общего порядка № 36 по статье 6 докладчик отметил, что «право на жизнь – это право, *которое не следует толковать узко*» (выделено автором) (стр. 1, п. 3). При этом по состоянию на июнь 2018 года в проекте документа не упоминается положение, содержащееся в МПЭСКП. Однако, учитывая общий тон документа, а также отсутствие выраженного заявления об обратном, это упущение похоже не исключает ранее принятого широкого толкования статьи 6.

Подобным образом, такое широкое толкование права на жизнь было принято МАСПЧ и Африканской комиссией по правам человека и народов (АКПЧН). Анализ МАСПЧ свидетельствует о том, что в результате ряда дел, рассмотренных этим органом, право на жизнь сформировалось как включающее право на социально-экономические аспекты общества, включая доступ к продовольствию и воде, здравоохранению и санитарным объектам. Например, такие дела как дело «уличных детей», *Якие акса и общин коренного населения Ксахонамакса* в 2005 году; *Якие Акса Парагвай*, 2005, являются наглядными примерами такого судебного толкования. В деле *Ксахонамакса* Суд разработал тест из двух частей для оценки следующего: 1) знали или должны ли были знать власти о существовании обстоятельства, которое представляло непосредственный конкретный риск для жизни отдельного лица или группы; 2) были ли приняты необходимые меры в рамках их полномочий, которые можно было бы разумно ожидать для предотвращения такого риска. Это особенно важное толкование, поскольку указывает на то, что для государства недостаточно предпринять действия, ведущие к нарушению права на жизнь, в связи с чем препятствие защите социально-экономических прав может считаться произвольным убийством.

Широкое понимание термина «произвольный» не ограничивается выводами Комитета по правам человека и МАСПЧ. Например, Всемирная продовольственная программа видит себя важным компонентом в предотвращении произвольных убийств, учитывая ее роль в реализации права на достаточное питание согласно статье 11 МПЭСКП. Кроме того, по словам Дэвида Бизли, главы Всемирной продовольственной программы с 2017 года, эта организация должна играть решающую роль в качестве «первой линии защиты от экстремизма и терроризма», поскольку лишение права на достаточное питание может стать одним из ключевых катализаторов прихода людей в экстремизм (Beasley, 2017).

Мало того, что существует причинно-следственная связь между социально-экономическими факторами и произвольными убийствами, улучшение интеграции социально-экономических прав в том, что составляет «произвольность», укрепит ряд [Целей устойчивого развития \(ЦУР\)](#), включая сокращение бедности (ЦУР 1) и голода (ЦУР 2), обеспечение здорового образа жизни и благополучия (ЦУР 3), а также доступ к санитарии (ЦУР 6). Всемирная продовольственная программа считает, что стремление к гендерному равенству (ЦУР 5) имеет важное значение для реализации мандата

Программы и обеспечения реализации права на достаточное питание. Это особенно важно в конфликтных ситуациях, когда женщины и дети становятся более уязвимыми к риску нарушения их прав на достаточное питание. Значимость этого была четко подчеркнута в докладе о Проекте Всемирной продовольственной программы по Демократической Республике Конго (Всемирная продовольственная программа, 2015, стр. 5).

Особые риски могут существовать для мигрантов. В результате различных движущих сил миграции, таких как социально-экономические проблемы, политическое насилие и другие формы преследования могут сформироваться группы изгнанных общин, к которым отрицательно относятся в принимающих странах. Кроме того, контртеррористические операции в некоторых государствах были иногда непропорционально направлены против мигрантов и в некоторых случаях связывают террористические инциденты с ними.

Основные принципы, регулирующие произвольное лишение жизни

Обсуждение в этом разделе раскрывает следующие составляющие для определения того, является ли конкретное убийство произвольным или незаконным:

- Отсутствие достаточной правовой базы во внутреннем праве для защиты права на жизнь;
- Отсутствие законной цели, включая самооборону и защиту других от насилия;
- Отсутствие абсолютной необходимости смертельного использования силы;
- Применение силы, превышающей законную цель, для которой она применяется; а также
- Отсутствие эффективного расследования обстоятельств, которые привели к гибели человека.

Смертная казнь

Несмотря на официальную или даже фактическую отмену смертной казни во многих странах в сочетании с более широкими международными усилиями по ее полной отмене, в том числе в рамках системы ООН в области прав человека, ряд государств продолжает применять смертную казнь, в частности для наказания осужденных террористов. Это также отражается на том, что некоторые страны либо вообще не ратифицировали МПГПП, либо ввели оговорки, направленные на ограничение его применения к этим вопросам (см. [Интерактивную информационную панель по ратификации](#)).

Применение смертной казни является спорным вопросом, основывающимся на различных политических, правовых и моральных доводах. Тем не менее, согласно международному праву не существует абсолютно полного запрета на смертную казнь, обязательства же в рамках некоторых международных договоров заключаются в том, что некоторые государства согласились не применять смертную казнь, а другие также добровольно согласились не навязывать ее ни при каких обстоятельствах.

Согласно Статье 2(1) [Европейской конвенции о защите прав человека](#) (ЕКПЧ), отправной точкой является то, что «право каждого человека на жизнь охраняется законом» и что «никто не может быть умышленно лишен жизни *иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого*

законом предусмотрено такое наказание» (выделение курсивом добавлено автором). Технически эта статья допускает смертную казнь. Однако, несмотря на эту формулировку, как показывает дело *Оджалана*, мнение Европейского суда по правам человека таково, что «смертная казнь в мирное время [теперь] считается неприемлемой [и] более недопустима в соответствии со статьей 2» (2003, п. 163 и 166). Суд добавил, что для того, чтобы избежать произвольного лишения жизни, в ходе уголовного разбирательства следует соблюдать «самые строгие стандарты справедливости».

Таким образом, первоначальная формулировка ЕКПЧ может рассматриваться как противоречащая последующему развитию международного права, которое характеризуется сильной тенденцией к всеобщей отмене смертной казни. Разумеется, эта позиция усиливается в европейской системе прав человека Протоколом № 13 к ЕКПЧ «об отмене смертной казни при любых обстоятельствах». Согласно статьям 1-4 Протокола, смертная казнь отменяется при любых обстоятельствах даже в чрезвычайных ситуациях, предусмотренных в статье 15 ЕКПЧ. Для государств-участников Протокола «положения статей 1-4 настоящего Протокола рассматриваются как дополнительные статьи Конвенции». Он вступил в силу во всех государствах-членах Совета Европы, за исключением Армении, Азербайджана и Российской Федерации (Серия договоров Совета Европы - пояснительный доклад, 2002).

Аналогичным образом Комитет по правам человека подтвердил, что «любая мера, направленная на отмену смертной казни, должна рассматриваться как прогресс в осуществлении права на жизнь» (Замечание общего порядка № 6 HRI/GEN/1/Rev.1). В предыдущих разделах, как уже отмечалось, содержание в отношении права на жизнь в Международном пакте о гражданских и политических правах (МПГПП), Американской конвенции, Арабской и Африканской хартиях отражает позицию, в той или иной мере более близкую к отмене смертной казни. По сути, практика Комитета по правам человека в отношении требования справедливого судебного разбирательства, включенная в статью 6 МПГПП, считается самой сильной мерой против смертной казни осужденных лиц.

Несмотря на такие тенденции и подходы, в некоторых странах смертная казнь для осужденных террористов прямо предусмотрена в национальном антитеррористическом законодательстве (см. более подробную информацию о 15 странах, выступающих за сохранение смертной казни, в статье «Всемирная коалиция против смертной казни», 2016). Например, статья 21 Закона Объединенных Арабских Эмиратов 7-2014 о борьбе с терроризмом и террористической деятельностью предусматривает смертную казнь или пожизненное заключение для любого человека, который создает, объединяет, организует, осуществляет управление или возглавляет «террористическую организацию». К смертной казни могут быть приговорены лица, осужденные за использование террора для свержения королевской семьи, препятствования исполнению национальной конституции, нарушение мира и национальной безопасности, или в случае, если в результате угона самолета есть жертвы и раненые (Sadek, 2014). Другим примером является Уганда, где смертный приговор может быть вынесен не только за теракты, но и помощь и подстрекательство к терроризму в нарушение Закона № 14 о борьбе с терроризмом (см., в частности, террористические преступления, предусмотренные в разделах 7 (1) (a) и (b), 8, 9 (1) и (2)). В 2018 году в ходе досрочных голосований Кнессет (Парламент) высказался в пользу повторного введения смертной казни в Израиле, связывая эту поддержку с жертвами терроризма. Однако предложение остается спорным, непонятно, будет ли оно включено в законодательство (Harkov, 2018).

В других странах, несмотря на то, что смертная казнь технически присутствует в национальном уголовном кодексе, был установлен мораторий на ее фактическое применение. Одной из таких стран является Казахстан, где национальная конституция разрешает использовать смертную казнь в качестве меры наказания за террористические преступления, сопряженные с гибелью людей, и особо тяжкие преступления, совершенные в военное время, однако с 2004 года в стране действует мораторий на смертную казнь. В Казахстане рассматривался новый Уголовный кодекс, в котором смертная казнь была сохранена в таких обстоятельствах («Международная уголовная реформа», 2013).

Вынесение смертного приговора как меры наказания после осуждения за совершение некоторых террористических преступлений в некоторых странах обсуждается далее в Модуле 11.

Насильственные исчезновения

Еще одной практикой, имеющей место в контексте терроризма и противодействия ему, являются насильственные исчезновения, которые обычно принимают форму похищения и тайного содержания под стражей. Согласно определению Генеральной Ассамблеи, насильственное исчезновение имеет место, в случае, когда лицо:

подвергается аресту, задерживается или похищается против их воли или каким-либо иным образом лишается свободы должностными лицами различных звеньев или уровней правительства, организованными группами или частными лицами, действующими от имени правительства, при его прямой или косвенной поддержке, с его разрешения или согласия, при последующем отказе сообщить о судьбе или местонахождении таких лиц или признать лишение их свободы. (Резолюция 47/133).

Первоначально уполномоченная принять меры для решения вопроса о насильственных исчезновениях в Южной Америке, Рабочая группа ООН по насильственным и недобровольным исчезновениям теперь признает, что насильственные исчезновения являются глобальной проблемой, при этом наиболее остро она стоит в государствах, страдающих от внутренних конфликтов (Экономический и социальный совет, Доклад Комиссии по правам человека E/CN.4 /2006/56). Рабочая группа также уделяет особое внимание уникальным проблемам и препятствиям, с которыми сталкиваются женщины при осуществлении и обеспечении соблюдения своих прав человека в роли женщин и девочек, которую они выполняют в обществе и «которая коренится глубоко в истории, традициях, религии и культуре» (Замечание общего порядка Совета по правам человека A/HRC/WGEID/98/2).

Такие исчезновения обычно приводят к дальнейшим нарушениям прав человека, в частности, к пыткам и смерти, нарушая не только право на жизнь, но также право на свободу, запрет на пытки, право на справедливое судебное разбирательство и средства правовой защиты и т.д. Несмотря на то, что насильственные исчезновения могут не всегда приводить к смерти, вероятность смерти и/или получения серьезного вреда высока и, следовательно, связана с правом на жизнь. Генеральный секретарь ООН выразил обеспокоенность в связи с использованием насильственных исчезновений в качестве механизма, который ограничивает право обвиняемых на доступ к услугам адвоката и соответствующие меры правовой защиты (доклад Генеральной Ассамблеи A/72/316, п. 39). Далее Генеральный секретарь повторил выводы Рабочей группы по недобровольным исчезновениям, отметив, что ряд государств использует «произвольные меры безопасности в местах, где государство руководствуется

ошибочной и опасной верой в то, что они являются действенным способом сохранения национальной безопасности и борьбы с терроризмом или организованной преступностью» (A/72/316, п. 39, A/71/310, п. 110). В дальнейшем укрепляя эту позицию, Специальный докладчик по вопросу о защите прав человека в условиях борьбы с терроризмом с 2017 года Фьоннуала [Ни Олан](#) отметила свою озабоченность по поводу применения норм в области прав человека в контексте борьбы с терроризмом (доклад Генеральной Ассамблеи A/72/495, п. 26).

Положительное обязательство защищать право на жизнь распространяется на такие исчезновения, когда даже без доказательств похищения или задержания государственными органами (они могут быть совершены негосударственными террористическими акторами), государство должно в полном объеме расследовать такие исчезновения. Ожидается, что государства будут проявлять должную осмотрительность, принимая все разумные меры, соответствующие конкретным условиям, во-первых, для предотвращения таких исчезновений и, во-вторых, для их оперативного расследования (*Гонсалес и др. против Мексики*, 2009, п. 248). Невыполнение этого будет противоречить праву на жизнь и другим правам человека, нарушенным в сложившихся обстоятельствах. Аналогичным образом, если лицо исчезло после ареста, и нет каких-либо существенных доказательств, которые позволяют предположить, что оно было убито соответствующим государством, то даже если право на жизнь возможно не было нарушено государством, семья исчезнувшего лица, тем не менее, имеет в соответствии с правом на жизнь право требовать проведения расследования исчезновения.

В идеале положительные обязательства по защите права на жизнь должны быть законодательно закреплены, что является предпочтительным подходом международных органов по правам человека для обеспечения большей определенности. Для этого чрезвычайно важной является ясность при разработке применимого закона. Однако этот вопрос оказался чрезвычайно проблематичным в некоторых странах, где широкий охват и двусмысленность некоторых законов по противодействию терроризму привели к усилению риска нарушения права на жизнь, а также более широкому толкованию права на достойную жизнь и свободу от пыток в результате насильственных исчезновений (см., например, Федеральный закон Объединенных Арабских Эмиратов 2014 г. № (7) о борьбе с преступлениями терроризма).

Условия вооруженного конфликта

Убийство в условиях вооруженного конфликта обычно рассматривается по-другому (с юридической, политической, моральной точки зрения) в сравнении с убийством в мирное время. Важные проблемы, возникающие в этих обстоятельствах, включают в себя то, как определять законность целенаправленных убийств в условиях, где действуют совершенно другие элементы фактологического характера. Несмотря на то, что гибель людей является практически неотъемлемым аспектом вооруженного конфликта, никогда не следует пренебрежительно относиться к лишению человека жизни, для принятия решения о смертельном применении силы должны соблюдаться жесткие критерии.

При этом эти критерии различаются в условиях вооруженного конфликта в сравнении с обеспечением правопорядка в мирное время. Пороговый тест на смертельное применение силы в условиях вооруженного конфликта ниже, чем в условиях мирного времени, когда уровень насилия достигает такого уровня, когда ситуация классифицируется как ситуация вооруженного конфликта. Как следствие, некоторые государства пытались утверждать, что некоторые контртеррористические операции были проведены в условиях вооруженного конфликта для того, чтобы воспользоваться более

низким пороговым уровнем, хотя многие в международном сообществе оспаривали предполагаемое существование вооруженного конфликта или такое понятия как «глобальная война против террора».

Что касается ключевых критериев, то необходимо соблюдать принцип различия, мишенью должны быть комбатанты или «боевики» в вооруженном конфликте, и их смерть должна быть необходимой, в противном случае целенаправленное убийство будет незаконным. Несмотря на то, что, как ранее обсуждалось в этом модуле, вооруженный конфликт регулируется международным гуманитарным правом как *lex specialis*, международное право в области прав человека, тем не менее, является актуальным, хотя точный характер и степень его применения в условиях вооруженного конфликта не совсем ясны и могут быть спорными.

Еще одним важным моментом является то, могут ли целенаправленные убийства использоваться в качестве средства национальной самообороны. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к статье 51 [Устава ООН](#), где говорится, что «Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена ООН». Хотя это положение первоначально предназначалось для применения к межгосударственным нападениям, было отмечено, что террористические инциденты могут представлять собой «вооруженное нападение» для целей статьи 51, тем самым оправдывая оборонительное применение силы, включая целенаправленное убийство (Генеральная Ассамблея, Доклад Совета по правам человека A/HRC/29/51, пп. 49-50). Что касается связанной с этим юриспруденции, то Консультативное заключение Международного суда по вопросу строительства стены часто упоминается как авторитетный источник, придерживающийся мнения, что статья 51 может быть использована только в ответ на вооруженное нападение со стороны государства или организации, действия которой могут быть отнесены к государству (МКЮ, 2004, п. 139). Бывший Специальный докладчик Филипп Алстон солидарен с этим ограничительным подходом в толковании (доклад Генеральной Ассамблеи, Совет по правам человека A/HRC/14/24/Add.6, 2010, п. 40). Для сравнения, последующее решение Международного суда по делу о вооруженной деятельности менее категорично (2005, пп. 146-147). Хотя оно и не отвергает подход суда в деле по строительству стены, это решение полностью не исключает возможность того, что негосударственная вооруженная группа может быть подвергнута крупномасштабной атаке, которая может явиться основанием для возникновения права на самооборону. Практика государств после событий 11 сентября 2001 г. складывалась в пользу признания того, что негосударственные террористические группы, такие как «Аль-Каида», могут начать вооруженные нападения, приводя к праву на самооборону (Koh, 2010; Bellinger, 2007). Практика ООН также поддерживает эту точку зрения, о чем свидетельствует, например, принятие Резолюции Совета Безопасности 1368 (2001), которая оставляет открытой возможность применения силы в ответ на теракты 11 сентября.

Можно сказать, что целенаправленные убийства в условиях вооруженного конфликта попадают больше в область действия *jus in bello*, или права по ведению военных действий. В любом случае, чтобы оценить законность целенаправленных убийств в военное время, необходимо установить фактическое наличие вооруженного конфликта (см. более подробно в Модуле 6). Тогда законность целенаправленного убийства, как лишение жизни, зависит от того, является ли мишень законной военной целью. Это возвращает нас к принципу разграничения в качестве ключевого правила, согласно которому необходимо отличать некомбатантов/гражданских лиц, комбатантов и военные цели. Только последние два могут быть законными военными целями и, следовательно, законными мишенями, чьи убийства не будут нарушать право на жизнь. Это объясняется тем, что военные и, соответственно, солдаты рассматриваются не как

частные лица, а, скорее, как представители государства, при этом военная необходимость диктует, что война направлена на ослабление вооруженных сил противника. Однако принцип разграничения и идентификации комбатантов гораздо легче применять в международных вооруженных конфликтах, чем в немеждународных конфликтах. Это подчеркивает важность точного определения типа вооруженного конфликта, что позволило бы точно определить, действительно ли целенаправленное убийство является законным.

В праве по вопросам немеждународных конфликтов не упоминается слово «комбатант», при этом государства не проявили желания юридически отнести вооруженные оппозиционные группы к повстанцам или мятежникам. Хотя в статье 4 (А) [Женевской конвенции III](#), а также в статье 43 [Дополнительного протокола I](#) содержатся некоторые указания относительно классификации «комбатанта», не всегда легко определить точный статус негосударственных акторов для целей международного гуманитарного права. Например, стороны конфликта могут быть определены как имеющие военное формирование с определенной степенью организации и командной структуры, а также, возможно, способностью соблюдать международное гуманитарное право. Некоторые террористические группы, придерживающиеся общей идеологии, потенциально могут быть описаны таким образом. Кроме того, действие статьи 50 (1) [Дополнительного протокола I](#), в которой говорится, что в случае сомнений лицо должно считаться гражданским лицом, таково, что пороговый критерий для квалификации целенаправленного убийства в качестве законного является высоким. Однако это не всегда отражается в практике государств, которая показывает, что они готовы оправдать целенаправленные убийства на основе голых подозрений, которые полностью не подтверждаются конкретными доказательствами, как обсуждалось выше в отношении убийств по признаку пола.

Целенаправленные убийства также привели к гибели невинных гражданских лиц, и такое еще более вероятно, если террористы не выбирают в качестве мишеней, когда они приступают к нападению, или если целенаправленное убийство совершено в качестве превентивной или карательной меры. Международное гуманитарное право запрещает неизбирательные нападения даже в условиях немеждународного вооруженного конфликта в соответствии со статьей 51 (5) (b) [Дополнительного протокола I](#). Как и в ситуациях мирного времени, целенаправленные убийства террористов не допускаются в условиях вооруженного конфликта, если нет конкретных и надежных доказательств непосредственной опасности. Это приводит к нарушению права на жизнь. Применение превентивного подхода к целенаправленным убийствам может уменьшить доказательную базу и, следовательно, законность такого нападения. Неминуемый, а не абстрактный риск, оправдывающий целенаправленное убийство, должен быть ясным и веским. Целенаправленные убийства, не поддерживающие право на жизнь и верховенство права в более общем плане, могут показаться целесообразными в краткосрочной перспективе, но могут усилить опасность в долгосрочной перспективе, вызывая рост насильственного экстремизма посредством нарушения верховенства права (см. более подробно в Модуле 2).

Любая стратегия противодействия терроризму, связанная с незаконным или неоправданным убийством, несет в себе потенциальную возможность негативного воздействия на общество в целом, а не только возможность физического вреда, причиняемого людям и имуществу в качестве сопряженного ущерба, а также умственное расстройство и травмы, которые могут существенно повлиять на способность человека или сообщества функционировать должным образом. Хотя международное гуманитарное право не рассматривает психический вред как *de lege lata* (т.е. за рамками своего юридического охвата), некоторые утверждают, что его следует рассматривать как

de lege ferenda (т.е. он должен подпадать под сферу действия международного гуманитарного права особенно потому, что его воздействие может быть столь же значительным, как и физический вред) (Lieblich, 2014). Это касается не только постоянной угрозы целенаправленных убийств, которая была реальной возможностью в некоторых частях мира, но и постоянным присутствием таких технологий, как дроны, которые могут использоваться для сбора разведывательных данных, включая определение потенциальных мишеней, подлежащих уничтожению.

Упражнения и тематические исследования (кейсы)

Данный раздел содержит предложения по аудиторным или подготовительным учебным упражнениям, в то время как задание для выполнения после занятия, предназначенное для оценки понимания учащихся, предложено в отдельном разделе.

Упражнения в этом разделе лучше всего подходят для групп до 50 учащихся, которых можно легко разделить на небольшие группы для обсуждения примеров или проведения работы перед тем, как представители группы представят ее результаты всей аудитории. Несмотря на то, что можно иметь такую же структуру из небольших групп в большой аудитории, состоящей из нескольких сотен учащихся, это более сложно, и лектор, возможно, пожелает адаптировать методы работы с группами, обеспечив достаточное время для групповых обсуждений и представления обратной связи всей аудитории. Самый простой способ провести обсуждения в небольших группах в большой аудитории - попросить учащихся обсудить вопросы с четырьмя или пятью учащимися, сидящими рядом с ними. Дайте ограничение по времени, но не все группы смогут предоставлять обратную связь в каждом упражнении. Лектору рекомендуется делать произвольный выбор и пытаться предоставить возможность обратной связи хотя бы один раз за время занятия всем группам. Если время позволяет, лектор может провести общее обсуждение после представления каждой группой обратной связи.

Все упражнения в этом разделе подходят для студентов магистратуры, а также бакалавриата. Однако, поскольку знания учащихся перед началом обучения и то, насколько они сталкивались с ними, сильно отличаются, решения о целесообразности упражнений должны основываться на их образовательном и социальном контексте.

Упражнение 1: Подготовка концептуальных зарисовок (см. Методическое пособие)

В небольших группах или каждый индивидуально (напр., см. Упражнение по оценке) подготовьте один или больше концептуальных записок по вопросам, касающимся права на жизнь в контексте противодействия терроризму. Можете начать с общих применимых международно-правовых рамок и затем углубитесь в детальные вопросы; или концептуальная записка может быть по конкретным вопросам, таким как применение смертной казни к осужденным террористам, целевые убийства в мирное время/в условиях вооруженного конфликта, использование беспилотных летательных аппаратов и т.д. Если вы решите использовать этот инструмент в качестве основы для оценки, было

бы хорошо сначала продемонстрировать его, например, в качестве общего группового упражнения.

Кейс 1: Нарушения права на жизнь в ходе военных операций

Массовое убийство в Килва:*

14 октября 2004 года Килва, город в Демократической Республике Конго (ДРК), был ненадолго оккупирован небольшой группой легковооруженных бойцов, принадлежащих Революционному движению за освобождение Катанги (MRLK). Помимо прочего они требовали отделения богатой ресурсами провинции Катанга. В докладе Миссии ООН в Демократической Республике Конго (МООНДРК) указывается, что повстанцы сначала были мирными, поскольку они встретили небольшое сопротивление. В ответ на минимальную угрозу, создаваемую 6-7 плохо вооруженными, слабо организованными лицами, поддерживаемыми примерно 100 молодыми людьми, австралийско-канадская компания Anvil Mining, ведущая горные работы в 50 км от города Килва, вызвала батальон армии Демократической Республики Конго (ДРК).

Около 150 военнослужащих, снаряженных компанией Anvil Mining, были доставлены в город Килва на самолетах и грузовиках Anvil для того, чтобы вернуть контроль над городом. Помимо материально-технической поддержки компания Anvil Mining предложила солдатам материальную помощь, включая продовольствие и финансовую компенсацию. МООНДРК и другие доклады по правам человека свидетельствуют о том, что солдаты ДРК участвовали в вопиющих нарушениях прав человека в отношении жителей города Килва. Эти злоупотребления включают в себя бомбардировку домов, казни лиц, подозреваемых в пособничестве MRLK, без надлежащего судебного разбирательства, изнасилования, пытки, произвольные аресты и незаконное содержание под стражей, грабеж и вымогательство у гражданских лиц. По окончании операции были убиты 73 мирных жителя, 28 из которых казнены.

Восемь армейских командиров, ответственных за операцию, а также три сотрудника Anvil Mining предстали перед судом. Однако впоследствии они были оправданы и не были привлечены к ответственности национальной системой уголовного правосудия.

В ответ на это три неправительственные организации направили от имени пострадавших запрос в Африканскую комиссию по правам человека и народов. Комиссия установила, что ДРК был нарушен ряд прав человека, гарантированных Африканской хартией, включая право на жизнь.

* [Институт прав человека и развития в Африке против Демократической Республики Конго](#), Решение от 17 июня 2017 г., Африканская комиссия по правам человека и народов, Сообщение 393/10.

Кейс 2: Смертельное применение силы государствами

При выполнении своих обязанностей от полиции иногда может требоваться применение силы. Сюда могут входить случаи, когда подозреваемые преступники оказывают сопротивление при аресте или когда полицейские пытаются контролировать ситуацию с враждебно настроенной толпой. Однако полиция не имеет права произвольно использовать какую-либо силу в этих ситуациях, должна быть проведена оценка в отношении того, является ли такая сила остро необходимой и пропорциональной, о чем свидетельствуют следующие два кейса.

Эти проблемы представлены в делах *МакКанна*, которое связано с контртеррористической операцией; и *Суарес де Герреро*, связанное с обычными мерами по поддержанию правопорядка, но его принципы применяются более широко, в том числе к контртеррористическим операциям.

*МакКанн и другие против Соединенного Королевства**

Вопрос о смертельном применении силы со стороны государства впервые возник в деле *МакКанна*. Дело касалось смерти трех членов Ирландской республиканской армии (ИРА), которые подозревались во обладании устройства дистанционного управления, которое должно было использоваться для взрыва бомбы. Впоследствии подозреваемые были необоснованно застрелены солдатами Особой воздушной службы в Гибралтаре. Дело было подано в Европейский суд по правам человека, который принял решение о том, что сотрудники провели разумную оценку характера угрозы насилия. Тем не менее, Суд установил, что право на жизнь членов ИРА было нарушено, поскольку операцию можно было лучше контролировать и более тщательно спланировать для защиты этого права. Суд подтвердил, что проверка для оценки того, является ли лишение жизни абсолютно необходимым, как указано в статье 2 ЕКПЧ, была строгой.

Суд далее заявил, что смертельное использование силы должно быть строго пропорционально результату целей, изложенных в статье 2 (а)-(с) ЕКПЧ. Это означает, что до смертельного применения силы необходимо было использовать другие способы снижения риска и опасности. По мнению Суда, если у человека есть бомба, которая может взорваться, государственным правоохранительным органам разрешается стрелять в человека ради защиты других лиц поблизости. Суд заявил:

В этом отношении использование термина «абсолютно необходимо» в разделе 2 Статьи 2 указывает на то, что необходимо применять более строгий и убедительный критерий необходимости по сравнению с тем, который обычно применим при определении того, является ли действие государства «необходимым в демократическом обществе» согласно пункту 2 статей 8-11 Конвенции. В частности, применяемая сила должна быть строго пропорциональна достижению целей, изложенных в подпунктах 2 (а), (b) и (с) Статьи 2.

В этой связи следует отметить, что исключение касательно необходимости применения силы может быть субъективным, направленным на стремление урегулировать характерную напряженность между выполнением законных требований безопасности и соблюдением верховенства права, включая стандарты в области прав человека.

*Суарес де Герреро против Колумбии***

В деле *Суарес де Герреро* полиция Колумбии убила семь человек, подозреваемых в похищении экс-посла. Был поднят вопрос о том, имело ли место незаконное лишение жизни. Полиция предприняла действия без предварительного предупреждения жертв, не предоставив им возможность сдаться. Должные правовые процедуры не были выполнены, и не были предоставлены какие-либо обоснования их убийства. Это конкретное дело касалось смерти Марии Фанни Суарес де Герреро, в которую полицейские выстрелили несколько раз. Хотя полиция утверждала, что Суарес сопротивлялась аресту, позже было обнаружено, что это было не так. Комитет по правам человека заявил: «Нет каких-либо доказательств того, что действия полиции были необходимы для собственной защиты или для защиты других лиц, или что это было необходимо для ареста или предотвращения побега соответствующих лиц».

В этом конкретном деле было принято решение, что смерть Герреро была непропорциональна потребностям правоохранительных органов и жертва была произвольно лишена жизни в соответствии со статьей 6 МПГПП. Было нарушено право на жизнь, хотя действия полиции были обоснованы в соответствии с Законодательным указом Колумбии 0070, 1978 г. Супругу жертвы была назначена компенсация, а также была внесена поправка в закон о защите права на жизнь.

Это дело подчеркивает важность пропорционального использования силы во время операций правоохранительных органов. Было вынесено решение о том, что сила должна быть пропорциональна законной цели. Использование огнестрельного оружия является законным только в том случае, если альтернативные, менее решительные методы не могут достичь поставленной цели. Далее Комитет по правам человека подтвердил, что необходимо внести изменения во внутреннее законодательство для эффективной защиты права на жизнь, поскольку применимое в то время право допускало действия полиции, противоречащие Статье 6 МПГПП.

* [МакКанн и другие против Соединенного Королевства](#) (App. No. 18984/91), 1995, Европейский суд по правам человека, Серия А, № 324.

** ООН, Комитет по правам человека (1982). [Камарго \(от имени Суарес де Герреро\) против Колумбии, сообщение № 45/1979](#). 31 марта. Документ ООН CCRP/C/15/D/45/1979.

Кейс 3: Право на достойную жизнь

*Дело «Уличных детей» (Виллагран-Моралес и др.) против Гватемалы**

Это дело было заслушано в ситуации, когда представители государства проводили систематическую практику агрессии против беспризорных детей в Гватемале, включая насильственные исчезновения, пытки, убийства и другие нарушения прав на жизнь. Это был знаковый случай, когда Межамериканский суд по правам человека выдвинул концепцию права на достойную жизнь («*vida digna*»). По мнению Суда, защита права на жизнь означает не только то, что никто не должен быть лишен произвольно жизни, но также и то, что не следует препятствовать доступу к условиям, гарантирующим «достойное существование».

30 января 1997 года Межамериканская комиссия по правам человека представила в Межамериканский суд по правам человека заявление против Гватемалы. Дело касалось

вопроса о том, нарушила ли Гватемала различные положения Американской конвенции о правах человека, в частности право на жизнь, право на гуманное обращение, право на личную свободу и неприкосновенность, право на судебную защиту и другие права. Согласно заявлению, нарушения были совершены в результате:

Похищения, применения пыток и убийства Генри Джованни Контрераса, Федерико Клементе Фигероа Тунчеза, Хулио Роберто Каал Сандовала и Йовито Хосуэ Хуарес Цифуэнтеса; убийства Анстраума Аман Виллагран Моралеса; и неспособности государственных механизмов надлежащим образом справиться с указанными нарушениями и предоставить семьям жертв доступ к правосудию.

Поскольку некоторые из жертв на момент похищения и убийства были несовершеннолетними, Гватемалу также обвинили в нарушении статьи 19 Конвенции о правах ребенка. Толкование права на жизнь включало удовлетворение условий для достойной жизни. Суд приказал государству предоставить репарации семьям погибших и принять меры по реализации статьи 19 во внутреннем законодательстве. Впервые Межамериканский суд определил, что в обязательства государства входит, в том числе принятие специальных мер по защите детей, которые охватывают всеобъемлющее значение права на жизнь.

* [Дело «уличных детей» \(Виллагран-Моралес и др.\) против Гватемалы](#), решение от 19 ноября 1999 г., Межамериканский суд по правам человека, Серия С, № 63, п. 235.

Кейс 4: Повышенный риск, с которым сталкиваются мигранты и трудящиеся-мигранты

*Надехе Дорсема и др. против Доминиканской Республики**

Это дело касалось инцидента, когда солдаты Доминиканской Республики открыли огонь по грузовику с гаитянскими мигрантами после того, как он не смог остановиться на иммиграционном контрольно-пропускном пункте границы. Неизбирательное смертельное применение силы привело к гибели нескольких мигрантов и, впоследствии, к заявлению о нарушении права на жизнь в соответствии со статьей 4 Американской хартии прав человека.

При оценке ходатайства заявителей о том, что доминиканские солдаты нарушили статью 4, суд начал с анализа того, как и в какой степени государство ограничило посредством законодательного акта обстоятельства, при которых правоохранительными органами может применяться смертельная сила. Со ссылкой на Основные принципы ООН по применению силы должностными лицами по поддержанию правопорядка, Суд установил нарушение статьи 4 на том основании, что Доминиканская Республика не предоставила достаточные законодательные указания в отношении параметров применения силы армией; помимо этого не было каких-либо доказательств того, что государство надлежащим образом обучило своих солдат пределам допустимого применения силы.

Второй аспект юридического анализа касался требования необходимости. Суд подтвердил свою позицию в более раннем прецедентном праве о том, что смертельное применение силы должно быть абсолютно необходимым. Соответственно, смертельная сила должна быть запрещена в качестве общего правила и при необходимости

использоваться только в исключительных случаях в качестве крайней меры. Доказательства, представленные в Суде, показали, что мигранты не были вооружены и не пытались совершить какие-либо акты насилия против доминиканских солдат. Кроме того, Суд счел, что даже если бы мигранты сбежали, если бы их не расстреляли, смертельное применение силы все равно было бы незаконным, поскольку мигранты не представляли угрозы для солдат или других третьих сторон. Следовательно, Суд установил, что применение смертельной силы против мигрантов не удовлетворяет требованию абсолютной необходимости.

Последний элемент юридического анализа касался требования пропорциональности. В связи с этим МАСПЧ вновь сослался на Основные принципы ООН по применению силы должностными лицами по поддержанию правопорядка в качестве авторитетного источника в отношении того, что степень силы должна соответствовать уровню оказываемого сопротивления. Исходя из них, Суд отметил, что представители государства должны применять критерии дифференцированного и прогрессивного применения силы и по мере возможности использовать менее смертельные меры для ослабления насилия. Исходя из этого, Суд возложил вину на правительство за то, что им не были приняты несмертоносные меры, которые бы поддержали применение пропорциональной силы. В конкретном контексте иммиграционного контрольно-пропускного пункта Суд указал, что возможные несмертоносные меры могут включать «ограничения движения с баррикадами, искусственными дорожными неровностями, устройствами для прокалывания шин и/или камерами».

* [Надехе Дорсема и др. против Доминиканской Республики](#), Решение от 17 апреля 2015 г., Межамериканский суд по правам человека, Серия С, № 292.

Кейс 5: Назначение (обязательной) смертной казни для осужденных террористов

*Дело Сьюзан Кизула и 416 других лиц**

В соответствии со статьей 137 (3) Конституции Республики Уганда было подано ходатайство, оспаривающее конституционность применения смертной казни. В момент подачи ходатайства 417 заявителей, которые были осуждены за преступления в соответствии с Законом Уганды о борьбе с терроризмом, ожидали исполнения смертного приговора.

В отношении основополагающих принципов Суд постановил, что в соответствии со статьей 22 (1) Конституции, смертная казнь была признана в качестве исключения осуществления права на жизнь и в качестве исключения из статьи 24. Смертная казнь допускалась для исполнения приговора, вынесенного после справедливого судебного разбирательства судом компетентной юрисдикции, в отношении уголовного преступления в соответствии с законами Уганды в случае, если обвинение и приговор были подтверждены высшим апелляционным судом.

Тем не менее, Верховный суд Уганды также счел, что назначение обязательного смертного приговора является неконституционным. В соответствии с разделом 98 Закона о судебных процессах по обвинительным приговорам, в котором указывается порядок, которому должен следовать суд после вынесения обвинительного приговора и до вынесения какого-либо приговора, кроме смертного приговора, суд может до вынесения

приговора наводить справки, чтобы получить информацию об уместности приговора. Это положение предусматривает различие между лицами, осужденными в соответствии со статьей о вынесении обязательного смертного приговора, и лицами, осужденными по другим статьям. Любое положение, налагающее обязательную меру наказания в виде смертной казни, лишает суд возможности убедиться в целесообразности смертного приговора. Отказ осужденному, приговоренному к смертной казни, иметь смягчающие обстоятельства, в то время как для лиц, подверженным менее жестким мерам наказания, смягчающие обстоятельства могут быть заслушаны, является необоснованной дискриминацией. Это не согласуется ни с принципом равенства перед законом, гарантированным в статье 21, ни с правом на справедливое судебное разбирательство, гарантированным статьями 22 (1), 28 и закрепленным в статье 44 (с) Конституции Уганды.

Кроме того, Верховный суд постановил, что любая процедура, которая лишает суд возможности быть информированным о каких-либо смягчающих факторах, связанных со смертным приговором, лишает суд возможности действовать по своему усмотрению для определения уместности приговора. Это заставляет суд налагать смертную казнь только потому, что этого требует закон. Это было сочтено неприемлемым вторжением законодательной власти в сферу судебной власти.

*Митху против штата Пенджаб***

В рамках этого дела оспаривалась конституционность раздела 303 Уголовного кодекса Индии, который предусматривал обязательную смертную казнь за убийство, совершенное лицом, отбывающим пожизненный срок. Утверждалось, что этот раздел не соответствует статье 21 Конституции Индии, в которой говорится, что «ни одно лицо не может быть лишено жизни или личной свободы кроме как в соответствии со справедливым и разумным порядком, установленным действующим законодательством».

Верховный суд Индии считал, что «если у суда нет другого варианта, кроме как назначить смертный приговор, бессмысленно заслушивать обвиняемого и становится излишним указывать причины вынесения смертного приговора. В этом случае очевидной причиной вынесения смертного приговора является то, что закон заставляет суд выносить такой приговор».

Соответственно Верховный суд отменил действие раздела 303 Уголовного кодекса Индии как неконституционного вследствие его несправедливости и пристрастности по следующим основаниям:

- (1) он не позволял пожизненно осужденным лицам быть заслушанным по смягчающим обстоятельствам до вынесения приговора;
- (2) он также не давал суду возможности действовать по своему усмотрению для определения уместности выносимого приговора. Суд выносил смертный приговор только потому, что закон обязывал выносить такой приговор;
- (3) отказ суду в возможности действовать по своему усмотрению для определения уместности выносимого приговора является вторжением в сферу судебной власти и, соответственно, нарушением принципа разделения властей.

*Мохаммед Аджмал Мохаммад Амир Касаб против штата**Махараштра****

Данное дело касалось вынесения смертного приговора одному из осужденных террористов в связи с террористическим нападением в Мумбае на гостиницу «Тадж-Махал» 26 ноября 2008 года. В результате теракта погибло 166 человек, еще 238 человек получили ранения. Среди жертв были полицейские, сотрудники службы безопасности и иностранные граждане. Ущерб имуществу оценивался более чем в 1,5 млрд. долл. США.

После судебного разбирательства, предусматривающего надлежащую процедуру в соответствии с законами и Конституцией Индии, Касаб, гражданин Пакистана, был приговорен за эти террористические преступления к пяти смертным приговорам и равному количеству пожизненных сроков. В соответствии с законодательством приговоры были подтверждены Бомбейским высоким судом. На решение Высокого суда в Верховный суд были поданы два апелляции. Суд назначил Касабу опытного адвоката для представления его интересов.

Верховный суд заявил, что поскольку это дело было связано со смертным приговором, он изучит занесенные в протокол материалы из первоисточника в соответствии с проверенной временем практикой этого Суда для того, чтобы сделать собственные выводы по всем вопросам фактов и права, не будучи связанным предыдущими выводами суда первой инстанции и Высокого суда. Верховный суд постановил, что для обеспечения полного соблюдения нормативных положений необходим доступ к адвокату, в случае должного соблюдения такие положения не оставляют возможности для нарушения конституционных положений или нарушений прав человека. Суд счел, что обвиняемому был обеспечен полный судебный процесс. Например, его первоначальный отказ от предложенного индийского адвоката был его собственным решением, при этом впоследствии была удовлетворена его просьба о пакистанском законном представителе. Обстоятельства, при которых он сделал несколько признаний, не свидетельствуют о наличии ненадлежащего принуждения.

Что касается фактов и, учитывая, что обвиняемый не раскаялся в совершении террористических преступлений, Верховный суд счел, что вынесение смертного приговора было полностью оправдано.

* Сюзан [Сюзан Кигула и 416 других лиц Главного прокурора](#) (Конституционная петиция № 6 2003 г.) [2005] UGCC 8 (10 июня 2005 г.).

** [Митху против штата Пенджаб](#), 1983, AIR 473, 1983 SCR (2), 7 апреля.

*** [Мохаммед Аджмал Мохаммад Амир Касаб против штата Махараштра](#), AIR 2012 SC 3565.

Кейс 6: Насильственное исчезновение

*МАСПЧ, Веласкес Родригес против Гондураса**

12 сентября 1981 года в г. Тегусигальпа был арестован без ордера на арест студент Анхель Манфредо Веласкес Родригес. Очевидцы видели, что члены Национального следственного управления и Г-2 (Разведка) Вооруженных сил Гондураса арестовали Родригеса (без ордера) и увезли его в неопределенное местоположение. Один из ключевых вопросов, который был поставлен перед Судом, заключался в том, нарушил ли

Гондурас право на жизнь в соответствии с Американской конвенцией, а также сопутствующие права на гуманное обращение и личную свободу. Суд в конечном итоге принял решение, что эти нарушения имели место.

В отношении связанных обязанностей государства Суд указал их следующим образом:

Государство обязано принимать разумные меры для предотвращения нарушений прав человека и использовать имеющиеся в его распоряжении средства для проведения расследований нарушений, совершенных в пределах его юрисдикции, для выявления виновных, наложения надлежащих мер наказания и обеспечения жертве адекватной компенсации... Обязанность по предотвращению нарушений включает в себя все средства юридического, политического, административного и культурного характера, которые способствуют защите прав человека и гарантируют, что любые нарушения считаются незаконными действиями, которые могут привести к наказанию ответственных лиц и обязательству возместить жертвам ущерб. Невозможно составить подробный перечень всех таких мер, поскольку они различаются в зависимости от законодательства и условий в каждом государстве-участнике. Несмотря на то, что государство обязано предотвращать нарушения прав человека, существование конкретного нарушения само по себе не доказывает, что государством не были предприняты меры по его предотвращению. С другой стороны, действия официальных, репрессивных органов, которые безнаказанно практикуют пытки и убийства, само по себе является нарушением обязанности по предотвращению нарушений прав человека на жизнь и физическую неприкосновенность, даже если это конкретное лицо не подвергается пыткам или убийству, или если эти факты не могут быть доказаны в конкретном случае.

Это было одно из первых спорных дел в Суде, которое продемонстрировало изложение правил должной осмотрительности (т. е. принимать все разумные меры, соответствующие обстоятельствам), которые государства должны выполнять для предотвращения нарушения ключевых прав человека, в частности для того, чтобы защищать право на жизнь.

* [Дело Веласкеса Родригеса](#), 29 июля 1988 г., Межамериканский суд по правам человека, Серия С, No. 4 (1988), п. 174.

Кейс 7: Смертельное использование силы и право на ЖИЗНЬ

*Г-н Ситизен против Бутавии**

В 2005 году Европейский суд по правам человека вынес решения по нарушениям ЕКПЧ в Дурадии с начала там Второй войны, немеждународного вооруженного конфликта. Предполагалось, что и федеральная сторона, и сепаратисты совершили серьезные нарушения прав человека. В деле рассматривались действия представителей государства, в том числе использование неизбирательного оружия и воздушных ударов, неосторожное планирование операций и обращения, массовые исчезновения и случаи гибели гражданских лиц. Г-н Ситизен бежал из Аркуса, где продолжались боевые действия, чтобы достичь границы Дурадии с Курией. Из двух самолетов был совершен обстрел группы, было выпущено большое количество неуправляемых воздушных ракет, в результате чего были убиты двое детей г-на Ситизена, сам же г-н Ситизен был ранен.

Не было каких-либо существенных доказательств того, что самолеты были спровоцированы и защищались, о чем заявляло правительство Бутавии.

Суд признал, что ситуация, которая «существовала в Дурадии в соответствующее время, требовала принятия исключительных мер со стороны государства в целях восстановления контроля над Республикой и подавления незаконного вооруженного мятежа», которые могут включать в себя «использование военной авиации, оснащенной тяжелым боевым оружием». Суд далее заявил, что разумно предположить, что военные обоснованно использовали смертельную силу для защиты лиц от незаконных нападений боевиков в соответствии со статьей 2 (а) ЕКПЧ. Тем не менее, «объект и цель Конвенции в качестве инструмента защиты отдельных лиц также требуют толкования и применения статьи 2 таким образом, чтобы сделать ее меры по обеспечению безопасности практичными и эффективными». Суд постановил, что статья 2 применялась как к умышленному убийству, так и «непреднамеренному результату», включая лишение жизни. Кроме того, Суд потребовал, что любое применение силы должно быть не более, чем «абсолютно необходимым», т.е. должно соответствовать «более строгой и убедительной проверке необходимости» по сравнению с некоторыми другими правами в рамках ЕКПЧ.

Суд установил, что использование такой неизбирательной смертоносной силы фактически нарушает право на жизнь, и то, что «власти не провели эффективного расследования обстоятельств нападения», означало процессуальное нарушение права на жизнь. Суд заявил, что семья заявителей вряд ли погибла в рамках исключений, указанных в статье 2, поэтому право на жизнь было нарушено. Причиной гибели были признаны действия государства, и не было дано каких-либо доказательств относительно обоснованности смертельного применения силы. Суд счел, что нападение произошло «вне условий военного времени», т.е. не в контексте продолжающегося немеждународного вооруженного конфликта и, следовательно, в этих обстоятельствах нельзя отступать, в частности, от права на жизнь.

* *Г-н Ситизен против Бутавии* (Заявление № 12345/05), решение от 24 февраля 2010 г., Европейский суд по правам человека.

Возможное построение занятия

Этот раздел содержит рекомендации по последовательности обучения и времени, необходимого для достижения результатов обучения путем проведения трехчасового занятия. Лектор может пожелать пропустить или сократить некоторые элементы, чтобы выделить больше времени на другие элементы, включая введение, комментарии, помогающие завязать разговор, заключение или короткие перерывы. Структура также может быть адаптирована для более коротких или длительных занятий, учитывая, что продолжительность занятий в разных странах отличается.

- 0 - 10 мин Краткое представление вопроса, результатов обучения в рамках сессии и структуры.
- 10-40 мин Обсуждение международных/региональных правовых рамок по праву на жизнь. Обсуждение кейса 1: *Нарушения права на жизнь во время военных операций*;
- 40-60 мин Обсуждение международного гуманитарного права / экстерриториального применения права в области прав человека.
- 60-65 мин Перерыв
- 65-105 мин Обсуждение произвольного лишения жизни. *Обсуждение одного или более кейсов: 2: Смертельное применение силы Государствами; 3: Право на достойную жизнь; 4: Повышенный риск, с которым сталкиваются мигранты и трудовые мигранты*
- 105-110 мин Перерыв
- 110-135 мин Обсуждение смертной казни. *Обсуждение кейса 5: Назначение (обязательной) смертной казни для осужденных террористов.*
- 135-155 мин Обсуждение насильственного исчезновения. *Обсуждение кейса 6: Насильственное исчезновение.*
- 155-175 мин Обсуждение вооруженного конфликта. *Обсуждение кейса 7: Смертельное применение силы и право на жизнь.*
- 175-180 мин В случае необходимости представление вопросов оценки с соответствующими критериями оценивания.
- [В качестве альтернативы можно охватить только некоторые темы выборочно и в конце посвятить 30-45 минут упражнению 1: подготовка концептуальных зарисовок/эскизов на основе обсужденного на занятии материала]

Основная литература

В данном разделе представлен список материалов, имеющих в свободном доступе, которые лектор может попросить учащихся прочитать перед проведением занятия по данному модулю.

Международные/региональные договоры в области прав человека

- ООН, Комитет по правам человека (1982). [Замечание общего порядка №6: Статья 6 \(Право на жизнь\)](#). 30 апреля. HRI/GEN/1/Rev.1.
- Европейский суд по правам человека, Отдел исследований и библиотеки (2016). [International and National Courts Confronting Large-Scale Violations of Human Rights - Terrorism](#). («Международные и национальные суды, противостоящие масштабным нарушениям прав человека – терроризму») Совет Европы.

Вооруженный конфликт/международное гуманитарное право/экстерриториальное применение

- Doswald-Beck, Louise (2006). [“The Right to Life in Armed Conflict: Does International Humanitarian Law Provide all the Answers?”](#) *International Review of the Red Cross*, vol. 88, no. 864, pp. 881-904. («Право на жизнь в вооруженном конфликте: дает ли международное гуманитарное право ответы на все вопросы?»)
- Neuman, Gerald L. (2003). [“Humanitarian Law and Counterterrorist Force.”](#) *European Journal of International Law*, vol. 14, pp. 283-298. («Гуманитарное право и силы по противодействию терроризму»)
- Rusinova, Vera (2014). [“The Right to Life in Light of the Integration between the Norms of International Humanitarian and Human Rights Law.”](#) *Higher School of Economics Research Paper* No. WP BRP 38/LAW/2014. («Право на жизнь в свете интеграции норм международного гуманитарного права и права в области прав человека»)
- Von Schorlemer, Sabine (2003). [“Human Rights: Substantive and Institutional Implications of the War Against Terrorism.”](#) *European Journal of International Law*, vol. 14, pp. 265-282. («Права человека: основные и институциональные последствия борьбы с терроризмом»)
- Todeschini, Vito (2016). [“The Relationship between International Humanitarian Law and Human Rights Law in the African Commission’s General Comment on the Right to Life.”](#) *EJIL: Talk!* 7 June. («Отношения между гуманитарным правом и правами человека в Замечании общего характера Африканской комиссии по праву на жизнь»)
- Goldman, Robert K. (2013). [“Extraterritorial Application of the Human Rights to Life and Personal Liberty, including Habeas Corpus, during Situations of Armed Conflict.”](#) In Robert Kolb and Gloria Gaggioli eds. *The Research Handbook on Human Rights and Humanitarian Law*. Cheltenham: Edward Elgar. («Экстерриториальное применение прав человека на жизнь и личную свободу, включая habeas corpus в ситуациях вооруженного конфликта»)
- Skogly, Sigrun I. [Extraterritoriality – Universal Human Rights without Universal Obligations?](#) (Accessed 16 May 2018). («Экстерриториальность – всеобщие права человека без всеобщих обязанностей?»)

Произвольное лишение жизни/смертная казнь/насильственное исчезновение

- Азиатско-Тихоокеанский форум по проблемам женщин, права и развития. [APWLD Submission on a Gender-Sensitive Approach to Extrajudicial, Summary or Arbitrary Killing](#). («Материалы по гендерно-чувствительному подходу к внесудебным казням, казням без надлежащего судебного разбирательства и произвольным казням»)
- ООН, Генеральная Ассамблея (2017). [Внесудебные казни, казни без надлежащего судебного разбирательства или произвольные казни](#). 25 января. A/RES/71/198.
- ООН, Генеральная Ассамблея, Совет по правам человека (2017). [Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях по гендерно-чувствительному подходу к произвольным казням](#). 6 июня. A/HRC/35/23.
- Азиатский центр по правам человека (2015). [The Right to Life: Death Penalty and the UN Human Rights Committee](#). 20 October. («Право на жизнь: смертная казнь и Комитет ООН по правам человека»)
- Международная ассоциация юристов (2008). [The Death Penalty under International Law: A Background Paper to the IBAHRI Resolution on the Abolition of the Death Penalty](#). London: Международная ассоциация юристов. («Смертная казнь в соответствии с международным правом: справочный документ к резолюции ИБАХРИ (Международная ассоциация юристов Института по правам человека) об отмене смертной казни»)
- ООН, Генеральная Ассамблея, Совет по правам человека (2017). [Доклад Рабочей группы по насильственным и недобровольным исчезновениям](#). 31 июля. A/HRC/36/39.
- ООН, Генеральная Ассамблея, Совет по правам человека (2017). [Доклад Рабочей группы по насильственным и недобровольным исчезновениям: Доклад по рекомендациям, внесенным Рабочей группой](#). 7 сентября. A/HRC/36/39/Add.3.

Дополнительная литература

Данный раздел содержит рекомендуемую дополнительную литературу для учащихся, заинтересованных в изучении вопроса (-ов) Модуля более подробно, а также для лекторов, обучающихся по Модулю.

Международные/региональные договоры по правам человека

- Buckley, Carla M., Alice Donald, and Philip Leach (2016). *Towards Convergence in International Human Rights Law: Approaches of Regional and International Systems*. Leiden: Brill Nijhoff. («На пути к сближению в международном праве в области прав человека: подходы региональных и международных систем»)
- Martin, Francisco F., Stephen J. Schnably, Richard J. Wilson, Jonathan S. Simon, and Mark V. Tushnet (2011). *International Human Rights and Humanitarian Law: Treaties, Cases and Analysis*. New York: Cambridge University Press. («Международное право в области прав человека и гуманитарное право: договоры, дела и анализ»)
- Wicks, Elizabeth (2012). "[The Meaning of Life: Dignity and the Right to Life in International Human Rights Treaties.](#)" *Human Rights Law Review*, vol. 12, issue 2, pp. 199-219. («Значение жизни: достоинство и право на жизнь в международных договорах по правам человека»)
- Азиатско-Тихоокеанский форум (2012). [Promoting and Protecting the Rights of Migrant Workers: The Role of National Human Rights Institutions](#). Sydney: Азиатско-Тихоокеанский форум национальных институтов по правам человека («Продвижение и защита прав трудовых мигрантов: роль национальных институтов по правам человека»)
- Ebert, Franz C., and Romina I. Sijniensky (2015). "[Preventing Violations of the Right to Life in the European and the Inter-American Human Rights Systems: From the Osman Test to a Coherent Doctrine on Risk Prevention?](#)" *Human Rights Law Review*, vol. 15, issue 2, pp. 343-368. («Предотвращение нарушений права на жизнь в европейской и межамериканской системе прав человека: от теста Османа к последовательной доктрине по предотвращению рисков?»)
- Sang, Brian (2015). "[The Right to Life in International Law: Emanation of a Unitary Concept in Comparative Adjudicatory Practice.](#)" *Africa Nazarene University Law Journal*, vol. 3, no. 1, pp. 1-40. («Право на жизнь в международном праве: порождение единой концепции в сравнительной судебной практике»)
- Sang, Brian (2012). "Improving the Protection of Human Rights in Africa: Reflections from the *Yogogombaye* Case." *African Journal of International and Comparative Law*, vol. 20, pp. 341-364. («Совершенствование защиты прав человека в Африке: размышления на основе дела Йогогомбай»)
- Sang, Brian (2017). "[International Humanitarian Law in the Work of Regional Human Rights Courts: African and Comparative Trends.](#)" *Journal of Comparative Law in Africa*, vol. 4, no. 3 (forthcoming). («Международное гуманитарное право в работе региональных судов по правам человека: африканские и сравнительные тенденции»)
- Buis, Emiliano J. (2008). "The Implementation of International Humanitarian Law by Human Rights Courts: The Example of the Inter-American Human Rights System." In Roberta Arnold, and Noelle Quenivet, eds. *International Humanitarian Law and Human Rights Law: Towards A New Merger in International Law*. Leiden: Martinus Nijhoff. Ch. IX, pp. 269-293. («Реализация международного гуманитарного права судами по правам человека: пример межамериканской системы по правам человека»)

- Межамериканская комиссия по правам человека (2002). [Доклад по терроризму и правам человека](#). 22 октября. OEA/Ser.L/V/II.116, Doc. 5 rev. 1 corr.

Вооруженный конфликт/международное гуманитарное право/экстерриториальное применение

- Alston, Philip, Jagon Morgan-Foster, and William Abresch (2008). "[The Competence of the UN Human Rights Council and its Special Procedures in relation to Armed Conflicts: Extrajudicial Executions in the 'War on Terror'.](#)" *European Journal of International Law*, vol. 19, no.1, pp. 183-209. («Компетенция Совета по правам человека ООН и его специальные процедуры по вооруженным конфликтам: внесудебные казни в «войне против терроризма»)
- Центр по вопросам управления и прав человека (2014). "[Незаконные убийства в Африке: исследование, подготовленное для Специального докладчика ООН по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях.](#)" *Centre for Governance and Human Rights, University of Cambridge*.
- Berlin, Eric (2013). "[The Israeli Supreme Court's Targeted Killings Judgment: A Reaffirmation of the Rule of Law during War.](#)" *Michigan State International Law Review*, vol. 21, issue 2, pp. 517-546. («Решение Верховного совета Израиля по целенаправленным убийствам: подтверждение верховенства закона по время войны»)
- Sang, Brian (2011). "Clearing the Fog of War over Combating Terrorists on the Frontiers of International Law: Targeted Killing and International Humanitarian Law." *African Yearbook on International Humanitarian Law*, pp. 1-46. («Рассеивание тумана войны над борьбой с террористами на рубежах международного права: целенаправленные убийства и международное гуманитарное право»)
- Chevalier-Watts, Juliet (2010). "[Has Human Rights Law become Lex Specialis for the European Court for Human Rights in Right to Life Cases Arising from Internal Armed Conflicts?](#)" *The International Journal of Human Rights*, vol. 14, issue 4, pp. 584-602. («Стало ли право в области прав человека Lex Specialis для Европейского суда по правам человека в делах по праву на жизнь, связанных с внутренними вооруженными конфликтами?»)
- Oberleitner, Gerd (2015). *Human Rights in Armed Conflict*. Cambridge: Cambridge University Press. («Права человека в вооруженном конфликте»)
- Dehn, John C. (2012). "[Targeted Killing, Human Rights and Ungoverned Spaces: Considering Territorial State Human Rights Obligations.](#)" *Harvard International Law Journal Online*, vol. 54, pp. 84-91. («Целенаправленные убийства, права человека и неуправляемые территории: рассмотрение территориальных обязательств государств в области прав человека»)
- Van Schaack, Beth (2014). "[The United States Position on the Extraterritorial Application of Human Rights Obligations: Now is the Time for Change.](#)" *International Law Studies*, vol. 90, pp. 20-65. («Позиция США по экстерриториальному применению обязательств в области прав человека: пришло время перемен»)
- Lubell, Noam (2010). *Extraterritorial Use of Force Against Non-State Actors*. Oxford University Press. («Экстерриториальное применение силы против негосударственных акторов»)
- Milanovic, Marko (2016). "Extraterritorial Derogations from Human Rights Treaties in Armed Conflict." In Nehal Bhuta ed. *The Frontiers of Human Rights: Extraterritoriality and its Challenges*. Oxford: Oxford University Press. («Экстерриториальные отступления от договоров по правам человека в условиях вооруженного конфликта»)

Произвольное лишение жизни/смертная казнь/насильственное исчезновение

- ООН, Генеральная Ассамблея (2017). [Незаконная смерть беженцев и мигрантов](#). 15 августа. A/72/335.
- Acheson, Ray, Richard Moyes, and Thomas Nash (2014). [Sex and Drone Strikes: Gender and Identity in Targeting and Casualty Analysis](#). New York: Reaching Critical, London: Article 36. («Пол и авиаудары с использованием дронов: гендер и идентичность в определении целей и анализа характера их поражения»)
- Amnesty USA (2011). [Death Penalty Facts](#). Washington, DC. («Факты по смертной казни»)
- ООН, Генеральная Ассамблея (2014). [Внесудебные казни, казни без надлежащего судебного разбирательства или произвольные казни](#). 6 августа. A/69/265.
- ООН, Экономический и социальный совет, Комиссия по правам человека (2006). [Гражданские и политические права, включая вопросы исчезновений и казней без надлежащего судебного разбирательства: внесудебные казни, казни без надлежащего судебного разбирательства или произвольные казни, Отчет Специального докладчика, Филиппа Алстона. Прозрачность и применение смертной казни](#). 24 марта. E/CN.4/2006/53/Add.3.
- Bessler, John (2017). *The Death Penalty as Torture: From the Dark Ages to Abolition*. Durham: Carolina Academic Press. («Смертная казнь как пытка: от темных веков к отмене»)
- Kalin, Walter (2010). “‘Death is different’ - The Death Penalty and the Right to a Fair Trial.” In Christian Tomuschat, Evelyne Lagrange, and Stefan Oeter, eds. *The Right to Life*. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers. Pp. 21-40. («Смерть – другая. Смертная казнь и право на справедливое судебное разбирательство»)
- McCloskey, Justice B. (2012). “[The death penalty and the right to life](#).” *Commonwealth Law Bulletin*, vol. 38, issue 3, pp. 485-508. («Смертная казнь и право на жизнь»)
- Purwantoro, Kailani F. (2016) “[Regulation Capital Punishment Criminal Acts of Terrorism Based on Law Number 15 of 2003 and Islamic Law](#).” *Journal of Law, Policy and Globalization*, vol. 52, pp. 51-56. («Регулирование высшей меры наказания за уголовные террористические акты на основе Закона №15 2003 г. и исламского права»)
- Gaitan, Aniceth (2009). “[Tanzania’s death penalty debate: An epilogue on Republic v Mbushuu](#).” *African Human Rights Law Journal*, vol. 9, no. 2, pp. 459-481. («Споры о смертной казни в Танзании: эпилог по делу Республики против Мбушуу»)
- ООН, Генеральная Ассамблея, Совет по правам человека (2014). [Насильственные или недобровольные исчезновения](#). 1 октября. A/HRC/RES/27/1.
- ООН, Генеральная Ассамблея, Совет по правам человека (2017). [Доклад Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям в контексте миграции](#). 28 июля. A/HRC/36/39/Add.2.
- ООН, Генеральная Ассамблея (2006). [Защита прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом](#). 11 сентября. A/61/353.
- Mhango, Mtendeweke O. (2010). Taking Human Rights Higher in the Fight Against Terrorism in South Africa. *Michigan State Journal of International Law*, vol. 19(1), pp. 105-118. («Повышение статуса прав человека в борьбе с терроризмом в Южной Африке»)
- Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) (2007). [Руководство](#)

[по противодействию терроризму и защите прав человека](#) . Warsaw: ОБСЕ БДИПЧ.

Оценка учащихся

В данном разделе представлены предложения по заданиям для учащихся после занятия с целью оценки понимания ими модуля. Предложения по заданиям до и во время занятия представлены в разделе «Упражнения».

Вопросы для оценки

- Критически сопоставьте и сравните разные подходы к «праву на жизнь» в рамках международных и региональных договоров по правам человека, определите основные сходства и различия, а также их последствия для людей.
- Критически сравните и оцените международные и региональные правовые рамки с сопутствующим прецедентным правом по (не)возможности отступления от «права на жизнь» во время чрезвычайных ситуаций (см. также Модуль 7).
- Какие существуют значительные различия в плане юридических обязательств государств в соответствии с международным договорным или обычным правом для защиты «права на жизнь» различных категорий людей в мирное время и ситуациях вооруженного конфликта?
- Объясните понятие «произвольное лишение жизни», опираясь на международные и/или региональные правовые инструменты и прецедентное право.
- На международном и региональном уровне растет упор на принятие «гендерно чувствительных» подходов, в том числе по вопросам, связанным с терроризмом и противодействием ему. Объясните, что означает данное понятие и затем критически обсудите, является ли данный подход необходимым и обоснованным в рамках существующих международных/региональных обязательств на примере права на жизнь.
- Глава Всемирной продовольственной программы ранее описывал свою организацию как «стоящую на первой линии обороны против экстремизма и терроризма». Обсудите, что это означает в отношении произвольного лишения жизни со ссылкой также на Раздел I и IV [Глобальной контртеррористической стратегии ООН](#) (см. более подробно в Модуле 2).
- Почему в некоторых странах назначение смертной казни в качестве меры наказания за преступления, связанные с терроризмом, может быть столь противоречивым? Обсудите, ссылаясь на соответствующие международные/региональные инструменты по правам человека и иллюстрируя примерами из разных стран.

Дополнительные учебные инструменты

В данном разделе приведены ссылки на соответствующие средства обучения, такие как слайды в формате PowerPoint, видеоматериалы, кейсы и другие ресурсы, которые могут помочь лектору преподавать обучать студентов по данному Модулю. Слайды и другие ресурсы могут быть адаптированы лектором.

- Презентации в формате PowerPoint для Модуля 8 Право на жизнь

Видеоматериал

- посмотрите трейлер к фильму [“Eye in the Sky”](#) («Всевидящее око»).

Кейсы

- Кейс 1: Нарушения права на жизнь во время военных операций
- Кейс 2: Смертельное применение силы государствами
- Кейс 3: Право на достойную жизнь
- Кейс 4: Повышенный риск, с которым сталкиваются мигранты и трудящиеся-мигранты
- Кейс 5: Назначение (обязательной) смертной казни для осужденных террористов
- Кейс 6: Насильственное исчезновение
- Кейс 7: Смертельное применение силы и право на жизнь

Рабочая группа по насильственным или недобровольным исчезновениям Управления Верховного комиссара ООН по правам человека

ООН, УВКПЧ, [Рабочая группа по насильственным или недобровольным исчезновениям](#).

Генеральная Ассамблея ООН и Совет по правам человека ООН

- ООН, Генеральная Ассамблея, Совет по правам человека (2014). [Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях](#). 1 апреля. A/HRC/26/36.
- ООН, Генеральная Ассамблея (2013). [Внесудебные казни, казни без надлежащего судебного разбирательства или произвольные казни](#). 13 сентября. A/68/382.
- ООН, Генеральная Ассамблея, Совет по правам человека (2017). [Мандат Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях](#). 19 июня. A/HRC/35/L.25.

Внесудебные казни, казни без надлежащего судебного разбирательства или произвольные казни

- [Специальный докладчик по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях.](#)
- [ООН, Управление Верховного комиссара ООН по правам человека \(2017\). Миннесотский протокол по расследованию потенциально незаконной смерти \(2016\): Пересмотренное Руководство ООН по эффективному предотвращению и расследованию внесудебных казней, казней без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казней. New York and Geneva.](#)
- Совет Европы, [Инструментарий по праву на жизнь.](#)

Библиография

Книги

- Dinstein, Yoram (2010). *The Conduct of Hostilities under the Law of International Armed Conflict*, 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. («Проведение военных действий в соответствии с правом международного вооруженного конфликта»)

Главы из книг

- Lieblich, Eliav (2014). “Beyond Life and Limb: Exploring Incidental Mental Health under International Humanitarian Law.” In Derek Jinks, Jackson N. Maogoto and Solon Solomon eds. *Applying International Humanitarian Law in Judicial and Quasi-Judicial Bodies*. The Hague: Asser Press. («За рамками жизни и здоровья: Изучение психического здоровья в рамках международного гуманитарного права»)
- Goldman, Robert K. (2013). “Extraterritorial Application of the Human Rights to Life and Personal Liberty, including *Habeas Corpus*, during situations of armed conflict.” In Robert Kolb and Gloria Gaggioli, eds. *Research Handbook on Human Rights and Humanitarian Law*. Cheltenham: Edward Elgar. («Экстerrиториальное применение права человека на жизнь и личную свободу, включая *Habeas Corpus*, в ситуациях вооруженного конфликта»)
- Milanovic, Marko (2010). “Norm Conflicts, International Humanitarian Law and Human Rights Law.” In Orna Ben-Naftali, ed. *Human Rights and International Humanitarian Law, Collected Courses of the Academy of European Law, Vol. XIX/1*. Oxford: Oxford University Press. («Конфликты, международное гуманитарное право и право в области прав человека»)
- Miyazaki, Shigeki (1984). “The Martens Law and International Humanitarian Law.” In Christophe Swinarski ed. *Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles in Honour of Jean Pictet*. The Netherlands: Springer. («Право Мартенса и международное гуманитарное право»)

Дела/судебная практика

- Африканская комиссия по правам человека и народов (АКПЧН)
 - [Национальная комиссия по правам человека и свободам против Чада](#), октябрь 1995 г., Сообщение АКПЧН № 74/92.
 - [Организация Mondiale Contre La Torture, Международная ассоциация юристов-демократов, Международная комиссия по делам юристов \(C.I.J\) и Межафриканской союз по правам человека \(Union Interfricaine des Droits de l'Homme\) против Руанды](#), Решение от октября 1996 г., Сообщения № 27/89, 46/91, 49/91 и 99/93.
 - [Amnesty International, Comité Loosli Bachelard, Комитет юристов по правам человека, Ассоциация членов епископальной конференции Восточной Африки против Судана](#), Решение от ноября 1999 г., Сообщения № 48/90, 50/91, 52/91 и 89/93.
 - [Оэдраого против Буркина-Фасо](#), решение от мая 2001 г., Сообщение № 204/97.
 - [Институт прав человека и развития в Африке против Демократической Республики Конго](#), Решение суда от 17 июня 2017 г., Сообщение № 393/10.
- Африканский суд по правам человека и народов
 - [Бенефициары Лэйта Норберта Зонго, Абдуллае Никиема Алиаса Аблассе, Эрнесто Зонго и Блейса Ильбудо и Движение Буркинабе за права человека и народов против Буркина-Фасо \(Заявление №013/2011\)](#), 10 март 2014 г.
- Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ)
 - [Кипр против Турции \(Заявление № 6780/74 и 6950/75\)](#), решение суда от 26 мая 1975 г.
 - [МакКанн и другие против Соединенного Королевства](#) (Заявление № 18984/91), 27 сентября 1995 г., Серия А, № 324.
 - [Хью Джордан против Соединенного Королевства \(Заявление № 24746/94\)](#), Решение суда (Третий раздел) 4 августа 2001 г.
 - [Банкович и др. Против Бельгии и др. \(Заявление № 52207/99\)](#), Решение (Большая палата) 12 декабря 2001 г., 2001-XII.
 - [Оджалан против Турции \(Заявление № 46221/99\)](#), Решение от 12 марта 2003 г.
 - [Исса и другие против Турции \(Заявление № 31821/96\)](#), Решение от 16 ноября 2004 г.
 - [Агдаш против Турции \(Заявление № 34592/97\)](#), Решение от 27 июля 2004 г.
 - [Оджалан против Турции](#), Решение (Заявление № 46221/99), Решение (Большая палата) 12 мая 2005 г, ЕКПЧ 2005-IV.
 - [Дело Василевской и Калюцкой против Польши \(Заявления №. 28975 и 33406/04\)](#), Решение (Четвертая секция) 23 февраля 2010 г.
 - [Аль-Скейни и другие против Соединенного Королевства \(Заявление № 55721/07\)](#), Решение от 7 июля 2011 г.
- Межамериканская комиссия по правам человека (МАКПЧ)
 - [Коард и др. против США \(Дело 10.951\)](#), Решение от 29 сентября 1999 г., Отчет № 109/99.
- Межамериканский суд по правам человека (МАСПЧ)
 - [Роуч против США \(Дело 9617\)](#), 1987, Отчет № 3/87.
 - [Дело Веласкеса Родригеса](#), Решение от 29 июля 1988 г., Серия С, № 4.
 - [Лас Палмерас против Колумбии \(Дело 11.237\)](#), Решение от 20 февраля 1998 г., Отчет № 10/98.

- [Константин и Бенжамин и др. против Тринидада и Тобаго](#) (Решение по существу, репарациям и расходам), Решение от 21 июня 2002 г, Серия С, № 94.
- [Мирна Мак-Чанг против Гватемалы](#), Решение от 25 ноября 2003 г, Серия С, № 101.
- [Дело коренного сообщества Якие Акса против Парагвая](#) (Решение по существу, репарациям и расходам), 17 June 2005, Series C, № 125.
- [Раксакко Рейес против Гватемалы](#) (Решение по существу, репарациям и расходам), Решение от 15 сентября 2005 г., Серия С, № 133.
- [Дело коренного сообщества Савойямакса против Парагвая, коренного сообщества Савойямакса народа Энсет-Ленгуа против Парагвая](#) (Решение по существу, репарациям и расходам), 29 марта 2006 г, Серия С, № 146.
- [Гонсалес и др. \("Cotton Field"\) против Мексики](#) (Предварительное возражение, решение по существу, репарациям и расходам), Решение от 16 ноября 2009, Серия С, № 205.
- [Семья Барриос против Венесуэлы](#) (Решение по существу, репарациям и расходам), Решение от 24 ноября 2011, Серия С, № 237.
- [Артавиа Мурилло и др. \(ЭКО\) против Коста-Рики](#) (Предварительное возражение, Решение по существу, репарациям и расходам), Решение от 28 ноября 2012, № 257.
- [Осорио в Ривера и члены семьи против Перу](#) (Предварительное возражение, Решение по существу, репарациям и расходам), Решение от 26 ноября 2013, Серия С, № 274.
- Международный суд
 - [Законность угрозы ядерным оружием или его применения](#), Консультативное заключение, Отчеты Международного суда за 1996 г.
 - [Военные и военизированные действия на территории Никарагуа против Никарагуа \(Никарагуа против США\)](#), Решение по существу от 27 июня 1986 г., Отчеты Международного суда
 - [Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории \(заключение по стене\)](#), Консультативное заключение, Отчеты Международного суда 2004 г.
 - [Вооруженная деятельность террористов Конго \(Демократическая Республика Конго против Уганды\)](#), Решение от 19 декабря 2005, Отчеты Международного суда 2005, р. 168.
- Верховный суд США
 - [Томпсон против Оклахомы](#) (№86-6169), решение от 29 июня 1988 г., 487 U.S. 815.

Хартии

- [Африканская хартия прав человека и народов \(Банджунская хартия\)](#). 21 октября 1986 г.
- [Арабская хартия прав человека](#). 22 мая 2004 г., вступила в силу 15 марта 2008 г.

Конвенции и протоколы

- [Американская декларация прав и обязанностей человека](#). Богота, 1948 г.
- [Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него](#). Париж, 9 декабря 1948 г., Сборник договоров ООН, том 78, стр. 277.

- [Женевские конвенции](#). Сборник договоров ООН, том 75, стр. 31, стр. 85, стр. 135 и стр. 287, 12 августа 1949.
- [Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод](#). Принята 4 ноября 1950 г., вступила в силу 3 сентября 1953 г.
- [Международный пакт о гражданских и политических правах](#). Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г., Сборник договоров ООН, том 999, стр. 171.
- [Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах](#). Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г., Сборник договоров ООН, том 993, стр. 167.
- [Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов \(Протокол I\)](#). Сборник договоров ООН, том 1125, № 17512, 8 июня 1977 г.
- [Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов \(Протокол II\)](#). Сборник договоров ООН, том 1125, № 17513, 8 июня 1977 г.
- [Американская конвенция о правах человека](#). Принята 22 ноября 1969 г., вступила в силу 18 июля 1978 г.)
- [Конвенция о правах ребенка](#). Нью-Йорк, 20 ноября 1989, Сборник договоров ООН, том 1577, стр. 3.
- [Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей](#). Нью-Йорк, 18 декабря 1990 г., Сборник договоров ООН, том 2220, стр. 3.
- [Арабская хартия прав человека](#). Принята 15 сентября 1994 г.
- [Межамериканская конвенция о насильственном исчезновении лиц](#). Принята 9 июня 1994 г., вступила в силу 28 марта 1996 г.
- [Протокол к Американской конвенции о правах человека об отмене смертной казни 1999 г.](#) ОАГ, Сборник договоров ООН, № 73.
- [Протокол №13 к Европейской конвенции о защите прав человека основных свобод относительно отмены смертно казни в любых обстоятельствах](#). 3 мая 2002 г. Совет Европы. Сборник договоров ООН, № 187.
- [Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений](#). Нью-Йорк, 20 декабря 2006, Сборник договоров ООН, том 2716, стр. 3.

Национальное законодательство

- Уганда
 - [Закон о борьбе с терроризмом 2002 г. \(с дополнениями и изменениями, внесенными в соответствии с Законом о борьбе с терроризмом 2008 г.\)](#).
- Объединенные Арабские Эмираты
 - Федеральный закон № (7) 2014 г. [О борьбе с преступлениями, связанными с терроризмом](#). 20 августа.

Статьи в журналах/онлайн ресурсах

- Acheson, Ray, Richard Moyes, and Thomas Nash (2014). [Sex and Drone Strikes: Gender and Identity in Targeting and Casualty Analysis](#). Нью-Йорк: Reaching Critical, London: Article 36. («Пол и авиаудары дронами : гендер и идентичность при выборе цели и анализ характера положения цели»)
- Beasley, David (2017). [“U.N. Food Program Is The First Line Against Terrorism, Beasley Says.”](#) *National Public Radio*, July 24. («Продовольственная программа ООН является первой линией борьбы с терроризмом, заявил Бисли»)

- Bellinger, John B. III (2007). "[Legal Issues in the War on Terrorism – A Reply to Silja N. U. Vöneky.](#)" *German Law Journal*, vol. 8, № 9, p. 871-878. («Правовые вопросы в войне с терроризмом - ответ Силье Н. У. Вёнеки»)
- Harkov, Lahav (2018). "[Terrorist Death Penalty Bill passes early Knesset Vote.](#)" *Jerusalem Post*, 3 January. («В Кнессете проходят досрочные голосования по законопроекту о смертной казни за совершение террористических актов»)
- Koh, Harold Hongju (2010). "[The Obama Administration and International Law.](#)" *American Society of International Law*, vol. 104, p. 207-221. («Администрация Обамы и международное право»)
- Lubel, Noam (2005). "[Challenges in Applying Human Rights Law to Armed Conflict.](#)" *International Review of the Red Cross*, vol. 87, № 860. («Вызовы в применении права в области прав человека к вооруженным конфликтам»)
- Sadek, George (2014). "[United Arab Emirates: Anti-Terrorism Law Approved.](#)" *Library of Congress*, 27 August. («Объединенные Арабские Эмираты: принят закон о борьбе с терроризмом»)
- Wallace, Stuart and Conall Mallory (2016). "[Applying the European Human Rights Convention to the Conflict in Ukraine.](#)" *University of Cambridge Legal Studies Research Paper Серия*, Paper № 48/2016. («Применение Европейской конвенции о защите прав человека к конфликту в Украине»)
- Всемирная продовольственная программа. "[Gender equality](#)". (Последний доступ 17 мая 2018 г.). («Гендерное равенство»)

Доклады и комментарии

- Совет Европы Сборник договоров ООН – Пояснительные доклады (2002). [Протокол № 13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в отношении отмены смертной казни при любых обстоятельствах. Комментарии к положениям Протокола.](#) 3 мая.
- Организация африканского единства (ОАЕ), Африканская комиссия по правам человека и народов (АКПЧН) (2015). [Замечание общего порядка №3 по Африканской хартии прав человека и народов: Право на жизнь \(Статья 4\). Принята в ходе 57-й очередной сессии Африканской комиссии по правам человека и народов, состоявшейся с 4 по 18 ноября 2015 г. в г. Банджул, Гамбия.](#)
- Международная тюремная реформа (2013). [Противодействие терроризму в Казахстане: Почему смертная казнь не является решением проблемы.](#) London: Международная тюремная реформа.
- Всемирная коалиция против смертной казни (2016). [Смертная казнь за терроризм: подробное досье.](#) Июль.
- Всемирная продовольственная программа (2015). [Проекты на утверждение Исполнительным комитетом: долгосрочная операция по оказанию чрезвычайной помощи и восстановлению - Демократическая Республика Конго 200832.](#) 9-13 ноября, WFP/EV.2/2015/8-V/1.

Материалы ООН

- ООН, Комиссия по правам человека (1995). [Декларация минимальных гуманитарных стандартов, Доклад Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств на сорок шестой сессии Комиссии по правам человека, 51-я сессия, п.19 Предварительной повестки дня.](#) E/CN.4/1995/116.
- ООН, Экономический и социальный совет (1983). [Доклад Специального докладчика, г-на С. Амоса Вако: Произвольные казни.](#) 31 января. E/CN.4/1983/16.

- ООН, Экономический и социальный совет, Комиссия по правам человека (2005). [Гражданские и политические права, включая вопрос исчезновений и казней без надлежащего судебного разбирательства – Доклад Рабочей группы по насильственным исчезновениям](#). 27 декабря. E/CN.4/2006/56.
- ООН, Экономический и социальный совет, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам (2009). [Замечание общего порядка №20: Недискриминация в экономических, социальных и культурных правах \(Статья 2, п. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах\)](#). 2 июля. E/C.12/GC/20
- ООН, Генеральная Ассамблея
 - (1992). [Декларация о защите всех лиц от насильственных исчезновений](#). 18 декабря. A/RES/47/133.
 - (2006). [Углубленное исследование по всем формам насилия в отношении женщин: Доклад Генерального секретаря](#). 6 июля. A/61/122/Add.1.
 - (2015). [Доклад Генерального секретаря, Внесудебные казни, казни без надлежащего судебного разбирательства или произвольные казни](#). 7 августа, A/70/304.
 - (2016). [Достаточное жилище как компонент права на достаточный жизненный уровень](#). 8 августа. A/71/310.
 - (2017(a)). [Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 19 декабря 2016 г. \[по докладу Третьего комитета A/71/484/Add.2\] 71.198. Внесудебные казни, казни без надлежащего судебного разбирательства или произвольные казни](#). 25 января. A/RES/71/198.
 - (2017(b)). [Защита прав человека в условиях борьбы с терроризмом: Доклад Генерального секретаря](#). 11 августа. A/72/316.
 - (2017(c)). [Доклад Специального докладчика по вопросам поощрения и защиты прав человека в условиях борьбы с терроризмом](#). 27 сентября. A/72/495.
- ООН, Генеральная Ассамблея, Совет по правам человека
 - (2010). [Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях: Исследование по целенаправленным убийствам, Филипп Алстон](#). 28 мая. A/HRC/14/24/Add.6.
 - (2012). [Доклад Специального докладчика по вопросу о насилии в отношении женщин, его причин и последствий, Рашида Манжу](#). 23 мая. A/HRC/20/16.
 - (2013). [Замечание общего порядка по вопросу о женщинах, пострадавших от насильственных исчезновений, принятое Рабочей группой по насильственным или недобровольным исчезновениям на 98-й сессии \(31 октября – 9 ноября 2012 г.\)](#). 14 февраля. A/HRC/WGEID/98/2.
 - (2015). [Доклад Специального докладчика по вопросам поощрения и защиты прав человека в условиях борьбы с терроризмом, Бен Эммерсон](#). 16 июня. A/HRC/29/51.
 - (2016). [Доклад Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям](#). 28 июля. A/HRC/33/51.
 - (2017). [Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях по вопросу гендерного подхода к произвольным казням](#). 6 июня. A/HRC/35/23.
- ООН, Комитет по правам человека
 - (1979). [Мнения: Суарес де Герреро против Колумбии](#). 31 марта. Сообщение № R.11/45.

- (1981). [Мнения: Делиа Салдиас де Лопес против Уругвая. Сообщение № 52/1979.](#) 29 июля. ССРР/С/13/D/52/1979.
- (1982(a)). [Мнения: Камарго \(от имени Суареса де Герреро\) против Колумбии, Сообщение № 45/1979.](#) 31 марта. UN Doc ССРР/С/15/D/45/1979.
- (1982(b)). [Замечание общего порядка 6: Статья 6 \(Право на жизнь\).](#) 30 апреля. HRI/GEN/1/Rev.1.
- (2001). [Рассмотрение отчетов, представляемых государствами-участниками в рамках Статьи 40 Пакта: Второй периодический отчет - Израиль.](#) 4 декабря. ССРР/С/ISR/2001/2.
- (2004). [Замечание общего порядка №31: Характер общей правовой обязанности, налагаемой на государства-участников Пакта.](#) 26 мая. ССРР/С/21/Rev.1/Add.13.
- (2017). [Замечание общего порядка №36 по Статье 6 Международного пакта о гражданских и политических правах касательно права на жизнь. Пересмотренный проект, подготовленный Докладчиком.](#)
Нередактированная версия.
- ООН, Совет безопасности, Контртеррористический комитет. [Роль женщин в противодействии терроризму и насильственному экстремизму.](#)
- [ООН, Совет безопасности, Резолюция 1373 \(2001\).](#)



UNODC

United Nations Office on Drugs and Crime

Vienna International Centre, P.O. Box 500, 1400 Vienna, Austria
Tel.: (+43-1) 26060-0, Fax: (+43-1) 26060-3389, www.unodc.org

